

Маргарита БЛИНОВА

Факультет
закрытых знаний

Факультет закрытых знаний

Маргарита Блинова

Факультет закрытых знаний

«1С-Паблишинг»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Блинова М.

Факультет закрытых знаний / М. Блинова — «1С-Паблишинг»,
2016 — (Факультет закрытых знаний)

ISBN 978-5-04-090953-7

Ноэми – парда, как называют подобных ей в народе. Парды – это редкая разновидность чёрных пантер-оборотней. Они выносливы, умны и, конечно же, невероятно хитры. В один прекрасный день внутренняя сущность парды берёт своё – и девушка, которая в скором времени должна была выйти замуж, сбегает от любимого жениха. Имея врожденный дар к магии крови, в какие только переделки ни попадает Ноэми, с её любопытной кошачьей натурой! Героиню не остановит ничто: ни проблемы в школе, ни предложение ректора изменить мир, ни политические интриги, ни смертельная ловушка магии чернил. Итак, игра начинается!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090953-7

© Блинова М., 2016
© 1С-Паблишинг, 2016

Содержание

Глава 1. Глупая кошка	5
Глава 2. Труд. Тот самый, который облагораживает	14
Глава 3. Проверка	29
Глава 4. Встреча	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Маргарита Блинова

Факультет закрытых знаний

Глава 1. Глупая кошка

– Это возмутительно! – продолжал отчитывать профессор Тебион, буквально впихивая меня в просторную комнату деканата. – Да за такое не просто выгоняют! За такое и казнить могут!

Куратор Айрис Руколо, ведущая нашу группу, с меланхоличным видом подняла голову от кривой стопочки работ, лежащих перед ней, и окинула нас двоих взглядом.

– Что случилось, Тебион? – апатично поинтересовалась куратор, откидываясь на спинку стула. – Что натворила непоседа в этот раз?

– Покушение, – зловещим шепотом сообщил профессор.

Женщина покрутила в руках красный карандаш, которым еще несколько минут назад ставила неуды на контрольных первокурсников, и украдкой зевнула.

– М-да? – демонстрируя полное безразличие к своей подопечной, обронила она. – И на кого же покусились... в смысле, покушалась Ноэми?

Профессор заломил руки, бросил в мою сторону убийственный взгляд и зауспокойным голосом изрек:

– На младшего наследника престола.

Впервые на моей памяти в глазах куратора нашей группы промелькнуло хоть что-то кроме извечных отчуждения, усталости и безразличия.

– Ноэми! – ахнула она, роняя карандаш.

Нормально, да?!

Вот когда второй курс тайком проносил сквозь Дубраву запрещенные на территории старшей школы настойки, чтобы, так сказать, взбодриться перед сессией, и случайно наткнулся на Айрис, та даже бровью не повела. Когда на практикуме Эльза из мести подожгла волосы Мие, куратор Руколо продолжила флегматично жевать бутерброд. И даже когда наши разбудили в подвалах упыря и перепугали его настолько, что бедолага драпал от недоучек, оглашая округу истошным визгом, все, чего мы удостоились, – это неодобрительного покачивания головы. И то вышло оно каким-то до неприличия ленивым.

Но стоило мне замахнуться учебником на младшего наследника престола, так вы только поглядите, какие метаморфозы случились с лицом куратора!

Эх, даже жаль, что никто из наших не видит...

Но в следующую секунду судьба решила расщедриться и явить еще один подарок. Громко хлопнув дверью, разгневанный «подарок» ворвался в деканат, куда всего пару минут назад меня приволок профессор Тебион, и прямо с порога рявкнул:

– Где эта мелочь хвостатая?

Рявкнул «подарочек» судьбы до того громко и зло, что испуганно звякнули стаканы в шкафчике, покосилась картина и муха, что кружила вокруг лампы, замертво рухнула вниз.

– Дерен? – вновь проявила такие редкие для нее эмоции куратор и тут же вскочила со своего места. – Дерен!

Мать моя кошка, Айрис явно идет на эмоциональный рекорд!

Вот только я, в отличие от госпожи Руколо, никакой радости при появлении мужчины не испытала.

Дерен Маккалич с перекошенной от злости физиономией буравил во мне взглядом две огромные дыры. Желваки ходили ходуном, мощная грудная клетка бойца ритмично расширя-

лась и приходила в норму с каждым его гневным вздохом, а тонкие губы кривились в некоем подобии презрительной усмешки.

Кошачья натура внутри меня тихонько зашипела и выгнула гибкую спину. Опасный противник!

Хотя надо отдать должное: даже в таком состоянии мужчина выглядел неотразимо. Темно-синий бархатный пиджак сидел на нем лучше любых начищенных доспехов, взгляд темно-коричневых глаз был наполнен силой и самоуверенностью, а идеально уложенные, буквально волосок к волоску, темные волосы зализаны назад и скреплены тонким золотым ободком.

Первый меч королевства и рыцарь трона чрезвычайно щепетильно относился к своей внешности. Еще бы! Он ведь первый парень на деревне... В смысле – почетный ловелас двора... Да что ж такое! Короче, любите и жалуйте: Дерен Маккалич, личный телохранитель младшего наследника престола собственной разгневанной персоной.

Но если меня встреча с Маккаlichem, мягко говоря, не порадовала, то на куратора Руколо произвела прямо-таки неизгладимое впечатление. Она порывисто вскочила, сбив стопку непроверенных работ, подошла вплотную к мужчине и наклонилась так, чтобы даже близорукий заметил ее до неприличия глубокое декольте.

– Дерен, я уверена, что произошла лишь досадная ошибка! – заворковала Айрис.

Ну ее хотя бы можно понять! Скоро четвертый десяток, а она все в девках да в девках. А вот что нашел в этом щеголе остальной женский персонал нашей школы, я до сих пор сообразить не в силах.

– Дерен, ну посмотрите же... – призывно покачивая внушительным бюстом перед Маккаlichem, взволнованно пролепетала женщина, – на это бедное дитя! Разве она могла напасть на младшего наследника?

«Бедное дитя» еле слышно фыркнуло и отвернулось, чтобы наконец заметить скульптуру горгульи в полметра высотой. Зверюга из темно-серого камня с белыми прожилками на мощной груди и брюхе сидела в центре стола, сложив крылья и обвив хвостом лапы. А еще у наглядного пособия имелись гребень, острые треугольные ушки и очень хитрая морда.

– Ноэми Вейрис, после такого скандала вас выгонят с позо... – начал было задвигать «речь» профессор Тебион, но тут же спохватился и умолк.

Почему не продолжил угрозы? Да потому что четко знал: учеба в этом месте была для меня блажью. Родители уже давно с нетерпением ожидали, когда грянет тот светлый час, когда их любимому черному котенку дадут под зад коленом. Ведь где это видано, чтобы чистокровная парда из Северного клана пошла учиться магии крови, да не в престижное место типа Академии имени Зальцера-Сокрушителя, а в философскую школу общего магического профиля, основанную каким-то малоизвестным дварфом!

Позор! Чес-слово, позор и никак иначе!

Но я назло всем котам клана упорно держалась за это место четырьмя лапами и вылетать с позором не планировала. По крайней мере до сегодняшней пары профессора Тебиона.

– А директор-то в курсе? – на миг оторвавшись от созерцания женского декольте, спросил Маккалич.

Спрашивается, вот зачем он это сделал? Такое, находясь в здравом уме, не говорят. Тем более вслух. Накаряет ведь!

И действительно накарякал...

– Кмх-м... – неожиданно оживила на преподавательском столе статуэтка горгульи. – Ноэми Вейрис, в кабинет директора! – Статуя махнула крыльями, уставилась на меня красными угольками глаз и как рявкнет: – Живо!!!

Вздрогнув от неожиданности, я стремглав вылетела из деканата, пересекла небольшую овальную площадку и бросилась по ступенькам вверх.

А ведь как все было хорошо!

Декаду назад директор Варениус собрал всех в актовом зале и объявил сногшибательную новость о смене власти. Тогда кошачья сущность настороженно приподняла мордочку и наострила уши, но особенно тревожиться не стала. Директор был безумно древним и дряхлым магом, поэтому больше внимания уделял любимому огородику около своего домика, чем ведению дел школы. Слухи о возможной пенсии летали так же часто, как привидения в Башне самоубийц, поэтому внезапное объявление таким уж внезапным мне не показалось.

А стоило бы уже тогда заподозрить неладное.

Спустя всего четыре дня приехал новый директор, а вместе с ним в философскую школу общего магического профиля пожаловал сам – нет, вы только представьте: САМ! – младший наследник престола (чтоб у него волосенки повылазили) Джером Райвиль, именуемый в народе не иначе как Надежда престола, Светлый принц или... мелкий засранец.

Ладно, каюсь, «мелким засранцем» величала его только я. Остальные почему-то таяли и преклонялись перед возможным королем.

К счастью, Джерома распределили в группу постарше и побогаче, чем наша, поэтому за все это время мы с наследником так ни разу и не пересеклись, вплоть до сегодняшнего практикума у профессора Тебиона...

Взбежав по ступенькам, я поправила строгий ученический костюм черного цвета, провела рукой по смоляным волосам и робко постучала.

– Войдите.

Несмотря на непоседливую, склонную к шалостям кошачью натуру, в кабинете директора я была лишь дважды: когда подписывала документы о зачислении и когда родители попытались забрать «своего непутевого котенка» обратно в прайд. В прошлый раз я с легкостью отстояла свое право на учебу в этом месте. Посмотрим, что будет сейчас.

Толкнув тяжелую дверь, я зашла в кабинет директора и сразу же наткнулась на внимательный взгляд темно-зеленых глаз.

– Здравствуйтесь, обучающаяся Вейрис, – поприветствовал мужчина.

Кошачья сущность тут же потянула носом воздух, принюхиваясь к необычному запаху. От директора пахло силой, свободой и ветром. А еще – морской солью и... женщиной с тошнотворно-сладкими духами. Разочарованная, потерявшая интерес, кошка свернулась клубочком в глубинах нашей сути и преспокойненько задремала, оставляя меня один на один разбираться с главной проблемой.

А проблема была тут как тут! Она развалилась в кресле напротив директорского стола и надменно улыбалась, закинув одну ногу на другую.

– Здравствуйтесь, директор, – вежливо кивнула я мужчине, сидящему за столом, а затем обернулась к младшему наследнику и также подчеркнуто-вежливо процедила: – Маменькино высочество.

Райвиль дернулся, словно от хлесткой пощечины, которую я когда-то давным-давно подарила этому самоуверенному выскочке, и зло сверкнул голубыми глазами:

– Зараза хвостатая...

– Попрошу обойтись без взаимных колкостей и оскорблений, – резко осадил его директор и указал рукой на свободное кресло. – Вейрис, присаживайтесь.

Гордо выпрямив спину, я села в пустующее кресло и подчеркнуто внимательно посмотрела на нового главу нашей философской школы.

– «Обучающаяся второго курса – Ноэми Вейрис. Чистокровная парда из Северного клана...» – зачитал данные из моего дела директор и откинулся на спинку кресла. – Итак, со слов обучающегося Райвиля, сегодня на практикуме у профессора Тебиона вы попытались нанести тяжкие физические увечья данному младшему наследнику Джерому Райвиллю... Что вы можете сказать в свое оправдание?

О-о-о... с каким удовольствием я нанесла бы этому маменькиному высочеству действительно тяжкие физические увечья, потом приступила бы к побоям, а вдобавок попинала трупик этого смазливового урода! Но увы...

– Боюсь, вас ввели в заблуждение, господин директор, – сдержанно улыбнулась я. – Правила нашей школы категорически запрещают причинение какого бы то ни было физического вреда...

– Эта облезлая кошка замахнулась на меня учебником! – взорвался младший наследник.

– Но ведь не ударила, – пожав плечами, парировала я выпад.

– Значит, попытка все же была? – влез с уточнениями директор.

Попытка, может, и была, но за намерения что-то совершить еще не исключили ни одного студента. Будем надеяться, что и меня эта судьба минует.

Я еще раз вспомнила, как замахнулась, полная решимости опустить на светлую голову младшего наследника престола шестисотстраничный том по истории разумных рас, который лежал на парте во время партикума, так как не влез в сумку. Вспомнила, как, словно почуяв угрозу за спиной, Джером развернулся... Всего на секунду удивление и обида мелькнули в глубине голубых глаз, а затем сменились привычным холодным презрением, но и пары секунд хватило глупой кошке, чтобы остановиться на полпути.

Эх, надо было все-таки ударить...

– Мне показалось, что в классе душно, поэтому я взяла учебник, чтобы помахать им перед своим лицом. И у меня даже в мыслях не было бить им обучающегося Райвиля, клянусь хвостом!

Правильно, клянемся самым ценным и ни в коем случае не уточняем, чей конкретно хвост имелся в виду.

– Значит, произошло банальное недопонимание?

Директор выразительно приподнял темные брови. Весь его вид говорил: «Вы действительно предлагаете мне поверить в этот бред или исправитесь и придумаете что-то поубедительнее?» Лихорадочно пораскинув мозгами, я пришла к выводу, что при таком давлении вряд ли придумаю отмазку лучше уже озвученной, а значит, делаем серьезный вид, честные глаза и врем:

– Совершенно верно!

А после улыбаемся и строим из себя невинного котенка.

Новый директор ухмыльнулся, демонстрируя, что не повелся на игру какой-то там второкурсницы. Но он хотя бы может сдерживать свои эмоции, в отличие от кое-кого другого.

– Вы верите в этот бред? – вскипел Джером, сжимая длинными аристократическими пальцами подлокотники своего кресла. – Она же врет и не краснеет!

Смазливый засранец.

– Джером, – слегка повысил голос директор, – меня не слишком заботит ваша стычка на практикуме, но ваша взаимная неприязнь может вызвать ряд проблем. Поэтому назначаю десять часов общественных работ...

– Ха-ха... – злорадно ухмыльнулся наследник.

– Каждому.

– Что? – На этот раз мы с Джеромом проявили удивительное единодушие.

Новый руководитель школы окинул нас взглядом темно-зеленых глаз и спокойно пояснил:

– Вы сорвали практикум профессора Тебиона... – И, опережая любые возражения со стороны Джерома, веско добавил: – ...оба. А значит, и наказание у вас будет общим. Отрабатывать начнете с начала декады, а сейчас можете возвращаться на занятия.

Мысленно благодаря всех кошачьих прародителей за то, что позволили их глупой дочери отделаться так просто, я поспешно встала и торопливо направилась к дверям. Джером почему-

то последовал за мной, обиженно сопя за спиной. Все так же гуськом мы спустились по лестнице и остановились на просторной площадке перед деканатом.

– Ябеда.

– Врунья.

За сим взаимные любезности между нами окончились, и каждый побрел в свою сторону.

* * *

– Глошад, – испуганно закричала женщина, – бросьте камень! Немедленно!

Молодой мужчина посмотрел на зажатый в руке булыжник и с радостным гиканьем помчался прочь от чересчур строгой няньки.

– Алик! Алик, лови его, пока не поранился!

– М-м-м! – возликовал Глошад, крепче сжимая в руке камень.

За пару секунд мужчина оказался у фонтана с белоснежными бортиками, обежал его по кругу и угодил прямоком в раскрытые руки старого камердинера.

– Попался, голубчик.

– М-м-м... – опечаленно выдавил молодой человек, тут же выпуская уже не такой интересный камень, и с опаской посмотрел на приближающуюся няньку.

Дезире торопливо шла к старшему наследнику престола. Весь ее вид – поджатая нижняя губа, нахмуренные брови и суровый взгляд светло-серых глаз – должны были показать Глошаду, как сильно она недовольна его поведением.

– Мой лорд, – принялась отчитывать своего воспитанника нянюшка, – вы же знаете, что не должны так себя вести. Сколько раз я просила вас не поднимать с земли палки и камни! И зачем вы побежали к фонтану? Здесь скользкая трава, вы могли упасть и удариться.

Продолжая ругать своего подопечного, она вытащила из белоснежного фартука носовой платок и принялась вытирать испачканную в земле ладонь. Глошад что-то невнятно промычал и начал раскачиваться из стороны в сторону. Алик и Дезире переглянулись, зная, что если не остановить принца сейчас, то он впадет в свой странный болезненный транс, из которого его невозможно будет вывести несколько часов. Допустить это было никак нельзя: вечером наследника собирались посетить родители. Старая Дезире не хотела лишний раз огорчать сиятельную чету Вариэль, напоминая, как тяжело болен их единственный ребенок, поэтому принялась трясти подол серого фартука.

– А что это там у меня так гремит?

Глошад мигнул, прогоняя из голубых глаз пелену забвенья, и радостно затанцевал, громко хлопая в ладони. Старая нянюшка достала из фартука черный бархатный мешочек и передала мешочек своему лорду.

– Только играй в беседке, – строго сказала женщина.

Старший наследник подхватил игрушку, выдал очередное «м-м-м...» и вприпрыжку направился к увитой плющом беседке, виднеющейся в конце аллеи. Наблюдая за рослым красивым мужчиной с сознанием ребенка, камердинер и нянюшка печально вздохнули.

– Какая жалость... – еле слышно произнес Алик, и Дезире поддержала его коротким кивком головы.

Укрывшись в прохладной тени беседки, старший наследник престола Глошад Вариэль сел на высокий стул и уверенным жестом высыпал на стол деревянные фигурки.

– А вот теперь поиграем, – одними губами прошептал мужчина.

* * *

Тихо, но как-то слишком настойчиво тикали старинные настольные часы, напоминая о скорой встрече. Бросив еще один беглый взгляд на стрелки, Итон-Бенедикт устало потер переносицу и отложил личное дело студента поверх внушительной горки, возвышающейся слева. Откинувшись на спинку кресла, посмотрел на пять одобренных им дел и недовольно забарабанил пальцами по столу.

Близнецы Райч, Оливер Пим, Энтони Хемпден, и сам младший наследник.

Мало... Кандидатов слишком мало для реализации задуманного. В большой игре понадобятся не только дети знати, но и пушечное мясо. Те, кого не страшно пустить в расход. Те, кем не так тяжело пожертвовать во благо дела. Те, кто сам прыгнет на нож, если предварительно внушить ему правильную мысль.

Вздыхнув, Итон поднялся на ноги, привычным движением размял затекшую спину и, подхватив со спинки кресла свой пиджак, вышел из кабинета. Спустившись по лестнице, он на пару секунд остановился посреди холла и втянул носом воздух. Ему не нравилось, как пах дом прежнего директора. Слишком много пыли, слишком сильно несет из подвала сыростью и аммиаком.

Помещением следовало заняться уже давно, но с тех пор, как он заступил на пост руководителя философской школы общего магического профиля, в течение дня у него не оставалось свободной минутки, а ночевать он предпочитал у Катрин, прижав ее разгоряченное тело к своему боку. Не каждая подруга Итона могла выдержать его темперамент, но удивительным образом аппетит Катрин был еще больше, чем его собственный.

При мыслях о пассивности на лице мужчины заиграла довольная улыбка, но Итон тут же взял себя в руки и решительно покинул казенный дом.

Вначале дело.

На развлечения с Катрин у него целая ночь и три выходных.

* * *

– Итон-Бенедикт, – громко повторила Кики.

– А? Кто? – выныривая из внезапно накотившей задумчивости, встрепенулась я.

– Наша главная проблема – Итон-Бенедикт! – несколько раздраженно повторила подруга. – Ты вообще слушала?

Я растерянно улыбнулась. Ну что тут скажешь? Прости, подруга, но с интересом внимая твоей торопливой речи, я на пару минут отключилась, визуализируя перед внутренним взором теплый закат, умиротворяющий шум кроны и многоголосье певчих цикад?

Естественно, я соврала.

– Каждое слово, подруга! Каждое!

Кики недовольно фыркнула, покачала головой и принялась с обидой резать на кусочки стейк. Судя по всему, теперь она занималась визуализацией, представляя вместо плохо прожаренного куска мяса одну невнимательную парду.

Кики Веласкес – блондинка с шикарным платиновым оттенком волос, чему я страшно завидовала, и завораживающим взглядом медовых глаз. У нее было два основных правила по жизни: «избавляйся от всего, что нельзя назвать полезным, красивым или забавным» и «не забывай себя баловать». Собственно, именно второму правилу мы сейчас и следовали, проводя последний вечер третьего выходного в уютном ресторанчике недалеко от школы.

Место было примечательным. Начнем с того, что правую часть стены оплетал плющ, в углу высился небольшой бассейн с разноцветными рыбками, а с потолка свисали лианы. Акку-

ратные стеклянные столы соседствовали с массивными, но очень удобными креслами, в которых можно было сидеть до темноты. Чем, собственно, мы с подругой и занимались. Но больше всего мне нравились танцевальные минутки, которые устраивали официанты в конце каждого часа. Вот и теперь пришлось немного подождать, пока не стихнет музыка и смеющиеся ребята разойдутся, чтобы потом тронуть Кики за рукав.

– Ну не дуйся, – примирительно попросила я, с опаской глядя на то, как остервенело подруга кромсает ножом еду.

Девушка оторвалась от тарелки, кинула на меня обиженный взгляд, и тут же на ее лице расцвела счастливая улыбка.

– Шархай! – позвала она, привставая со своего места, чтобы ее заметили.

Я обернулась, смерила приближающегося парня настороженным взглядом и уставилась на подругу. С чего вдруг такая радость? Да, в условиях дефицита сородичей-оборотней тянуло друг к другу. Лиэсам приходилось общаться с каннисами, кроткая лань Золи каким-то образом умудрялись находить общий язык с верблюжонком Бой-Би и вспыльчивым носорогом Грумом. Коты тоже не были исключением. Таким образом, я тесно дружила с рысями (Кики и ее младшим братом), с барсами и даже (стыдно признаться) одним камышовым котом!

Но Шархай...

Этот парень был чересчур вспыльчив даже для тигра. Поговаривали, что к нам в школу он попал, будучи выпертым из Академии боевых искусств за чрезмерно агрессивное поведение на тренировках. Правда это или нет – да кто ж знает, но репутация на пустом месте не появляется...

– Как дела, девчонки? – Оборотень приставил свободное кресло рядом с нами и грациозно в него опустился. Осмотрев стол голодным взглядом, облизнулся при виде целехонького ароматного бифштекса в моей тарелке и потянул лапы к меню: – Жрать охота...

– Ты узнал? – нетерпеливо заерзала в кресле Кики.

Тигр недовольно кивнул и обратился почему-то ко мне:

– А целую тушу здесь подают? Или только ребрышки?

– Шархай! – возмущению Кики не было предела. – Ты издеваешься?

– Есть немного, – не стал отнекиваться парень, одним уверенным движением забирая мои приборы и тарелку со стейком.

Р-р-р... Моим стейком!

– Ну Шарха-а-айчик! – пропела Кики и надула губки.

Наглая полосатая морда, продолжая методично уничтожать мой ужин, осклабилась.

– Оплата как договаривались? – уточнил тигр, приподнимая темные брови. – Идешь со мной на свиданку.

Кики вздохнула и кокетливо поправила свои потрясающие светлые пряди.

– Ну конечно! Когда я кого обманывала?

Кошкин хвост, что происходит?! С каких пор подружке приходится менять свидания на информацию? Да еще с кем, с самим Шархаем!

Тем временем тигр уничтожил последний кусочек мяса – поправочка, МОЕГО мяса – и с довольной мордой вернул пустую тарелку.

– Очень вкусно! – добил оборотень и повернулся к изнывающей от любопытства Кики.

Рука как-то непроизвольно потянулась к пустой посуде с намерением шибануть наглеца по усатой физиономии, но зависла в воздухе, едва прозвучало:

– Ты была права, Ки. Все они какие-то... мутные.

– Начни с директора, – попросила подруга, подаваясь вперед.

– Думаю, самый адекватный среди них – именно Итон-Бенедикт, – тихо произнес Шархай. – При дворе никогда не состоял, в двенадцать поступил на военную службу, был перенаправлен в море Штормов на корабль капитана Рейгла Старича. Через семь лет дослужился

до капитана. Отличился лишь однажды, во время нападения ватчеров, но больше в геройстве замечен не был. Прослужил положенные пять лет капитаном, после чего ушел в отставку и подал прошение на освободившееся место директора.

Кики разочарованно скривила губы и побарабанила пальцами по столу. Я тоже слегка приуныла. При нашей последней встрече директор меня заинтриговал, но стоило фактам развеять ореол таинственности, как интерес тут же схлынул.

У человека было столько возможностей заполучить интересную жизнь, полную морских приключений, стычек с контрабандистами и пиратами, а он? Все, что он сделал интересного, – разок подрался с морскими чудовищами. Банальщина!

– Гораздо больше могу рассказать о телохранителе наследника, – заметив нашу с Кики реакцию, улыбнулся оборотень. – Дерен Маккалич успел побывать в таком количестве переделок, что перечислять устанешь. В свои двадцать пять первый меч трона успел обесчестить половину королевского двора, а вторую вызвал и победил на дуэлях. Однако спустя два года разгула и драк Дерен неожиданно остепенился и присягнул на верность Светлому принцу. Поговаривают, что такая верность младшему наследнику не могла появиться на пустом месте.

Подруга схватила за краешек стола и потрясенно прошептала:

– Неужели он его сын?

Секунду Шархай растерянно смотрел на нее, а затем запрокинул голову и заржал.

– Кики, включи мозг и займись арифметикой! – Я тоже не смогла удержаться от улыбки. – Дерену двадцать пять, престолонаследнику – девятнадцать. Даже при очень большом желании Маккалича это биологически невозможно!

Рысь надулась, почему-то виня нас в своем промахе, скрестила на груди руки и ушла в себя. Шархай перестал гоготать на весь ресторан как обезумевший гиббон и наклонился так, чтобы его могла слышать только я.

– Мало кто знает, но наш постельных дел рыцарь питает слабость не только к мечам. – Взгляд желтых глаз скользнул по моим волосам. – Он равнодушен к черным кошечкам, так что будь осторожна...

И пока я хлопала глазами, пытаюсь понять, насколько бурным должно быть воображение, чтобы представить меня рядом с Маккаличем, оборотень наклонился вперед, ловко подхватил тарелку Кики и поставил перед собой.

– Ты вконец обнаглел? – тут же взорвалась подруга.

– Я голоден, – с наглой улыбкой заявил тигр и, игнорируя недовольное шипение девушки, добавил: – Кстати, я узнал кое-что и про наследника...

– Можешь не продолжать, – внезапно оборвала его рысь, сосредоточенно разглядывая что-то за нашими спинами.

– А чего уж! Я бы с удовольствием послушал.

Мы с Шархаем синхронно обернулись на звук чужого голоса и... голубоглазого блондина королевских кровей.

Засунув руки в карманы серых брюк, младший наследник стоял прямо за нами. Светлые длинные волосы убраны назад, водянисто-голубые глаза потемнели от злости, а на губах – снисходительная усмешка. Ну как устоять перед таким-то «красавцем»!

– Гляньте, кто пожаловал! – с притворной радостью воскликнула я. – А почему один? Где толпа подпевал? Где прихлебатели? Где сторожевой пес Маккалич?

Джером криво улыбнулся и наклонился вперед.

– Осторожнее, кошка, – зашипел он не хуже разгневанной гадюки. – Если ты парда, это не означает, что тебе все сойдет с лап.

– Не парься, высочество! В отличие от некоторых, я знаю разницу между наглостью и вседозволенностью.

Краем глаза заметила, как Кики нервно тербит краешек салфетки, а Шархай повернулся в кресле так, чтобы было удобно перейти в боевую форму. Не напрягайтесь, ребята. Этот смазливый засранец не захочет со мной связываться.

– Ого, как, оказывается, крепко я засел в твоей хорошенькой головушке! – самодовольно усмехнулся наследник, а затем резко выпрямился и гордо вскинул подбородок. – Директор просил напомнить, что отработка начнется завтра, – процедил он, и каждое слово было пропитано холодом. – Встречаемся у входа в западную пристройку. И не опаздывай.

Отдав распоряжение, Светлый принц еще больше задрал нос (хотя, казалось бы, куда уж выше) и, развернувшись на пятках, устремился к лестнице, ведущей на второй этаж.

Судя по шуму и ажиотажу, творящемуся наверху, все прихлебатели, подлизы и подпевалы были там. Я смотрела принцу вслед и представляла себе самое волнительное и прекрасное зрелище: наследник спотыкается на ступеньке и кубарем катится вниз. Но Джером не сделал мне такого подарка и без происшествий поднялся наверх.

Я огорченно вздохнула, обернулась к столу и поймала крайне заинтересованные взгляды тигра и рыси.

– Что?

– По-моему, о наследнике ты знаешь больше моего, – задумчиво произнес Шархай.

Глава 2. Труд. Тот самый, который облагораживает

– Кики, это что за бесовской приبلуд?

Подруга страшно смутилась и поспешила прикрыть ладонью украшение на правой руке, но я уже успела оценить страшенький браслет, криво сплетенный из ниток желтых, оранжевых и черных цветов.

– Шархай вчера подарил, – призналась Кики, старательно избегая встречаться со мной взглядом.

– И за что же тебе такая... прелесть?

Кики печально вздохнула:

– Кажется, тигр на меня запал...

– Ой! – не сдержала я эмоций. – Когда ты успела проштрафиться перед всеми кошачьими богами?

– Обучающаяся Вейрис!

От громоподобного баса преподавателя вздрогнула не только я, но и большая часть ребят, сидящих в аудитории.

– Да, профессор Каспо?!

Я вскочила со стула и настороженно посмотрела в сторону мужчины.

Каспо был чистокровным хафлингом. Его макушка заканчивалась где-то в районе моего пупка, но шутить с мужчиной никто не решался. Недостаток роста преподаватель по разумным расам компенсировал скверным характером и таким громким голосом, что порой, когда он ругал обучающихся и обзывал бездарями, дребезжали стекла в оконных рамах.

– О чем я только что говорил, Вейрис? – рявкнул Каспо.

Я растерянно глянула на доску, прочла тему лекции: «Основные виды расы эльфов» и навскидку ответила:

– Вы весьма увлекательно рассказывали об основных отличиях ушастых друг от друга!

Обычно профессор Каспо невероятно бесился, когда кто-то позволял себе непочтительные обращения типа «хвостатые», «полурослики», «гномы», «зеленые»... Ляпни я «тупорылые» на теме «Тролли и их культура», барабанные перепонки всех присутствующих в классе прочувствовали бы на себе всю мощь легких преподавателя, но мы обсуждали эльфов... А ключик к сердцу любого хафлинга лежит через пренебрежительное отношение к эльфам.

– Ушастых? – спокойно повторил он. – Вейрис, я попросил бы не употреблять сокращения, используемые необразованным населением... Садитесь.

Я украдкой выдохнула и плюхнулась рядом с Кики.

– Продолжим, – проронил хафлинг, опираясь рукой на кафедру.

Которую, кстати, специально сконструировали под его размер, чтобы преподаватель мог обозревать студентов, внемлющих каждому его слову, а не пряжки на форменных школьных ремнях.

– Повторю: на основании географических регионов обитания, фенотипических отличий и культурных признаков выделяют три основных вида: золотые эльфы, лунные и лесные.

Проявив ученическое рвение, я подвинула раскрытую тетрадь и принялась записывать. Лучше иметь конспект перед глазами, чем самостоятельно пробираться сквозь излишки информации шестисотстраничного учебника по разумным расам.

– Кто может рассказать о наиболее ярких представителях данной расы – золотых эльфах? – обратился к аудитории хафлинг. – Обучающийся Рохо.

Парень неохотно поднялся со своего места.

– Ну, золотыми их называют из-за цвета волос и кожи...

– Это все, что вам известно? – нахмурился преподаватель. – Прискорбно... Садитесь, обучающийся Рохо. Веласкес, вам есть что добавить?

Кики изящно поднялась со своего места и улыбнулась.

– Золотые или солнечные эльфы действительно имеют примечательный цвет кожи и волос, – уверенно начала рысь. – Это связано с регионом обитания – равниной радужных ветров. Из-за мельчайших частичек золота, меди и латуни, находящихся в воздухе, волосы, кожа и ногти эльфов приобретают редкий золотистый оттенок, блестящий на солнце.

Ну, это надолго... Молодец Каспо, нашел кого спросить! Кики же помешана на эльфах, считая их самыми «няшными няшками из всех».

– ...высокие и внешне тонкие тела имеют очень прочный скелет, – вдохновенно вещала рысь. – Вопреки сказкам о бессмертии, золотые эльфы подвержены старению и смерти. Своих погибших собратьев эльфы не закапывают в землю, а бальзамируют специальным образом и оставляют в выступах хребта Павших. Со временем ветер покрывает тела толстым слоем «радужной пыли», и со стороны кажется, что это золотые статуи.

– Замечательно, Веласкес. – Каспо одобрительно качнул головой. – На этом пока прервемся.

– А я только собралась про брачные ритуалы рассказать, – посетовала подруга, садясь на место.

Говорю же, повернута на эльфах! А с виду – приличная хвостатая рысь...

– Охотники столь же увлекательно поведать о лунных и лесных кланах есть?

Тишина, повисшая в кабинете после вопроса преподавателя, была поистине идеальной.

– Так и знал... – вздохнул хафлинг. – В таком случае запоминаем. Лунные эльфы рассеяны в пределе Эльграс. Как мы знаем, солнце в данном регионе находится ниже линии горизонта в течение пяти декад и появляется только на семнадцать часов в последний день цикла. В связи с этим лунные эльфы кардинально отличаются от своих «солнечных» собратьев. Их кожа имеет серый оттенок, волосы – черные или темно-серые, а глаза окрашены черным пигментом.

Хафлинг сделал небольшую паузу, давая нам возможность записать его слова, и продолжил:

– Третий вид эльфов – лесные. К несчастью, лесных видели лишь во времена Последнего союза. Доподлинно известно, что эти эльфы – одни из самых метких стрелков. Также они великолепно разбираются в ядах и транквилизаторах растительного и животного происхождения.

Преподаватель снова прервался, на этот раз для того, чтобы сойти со ступенек кафедры и взять в руки меловую палочку.

– А теперь более детально рассмотрим культурные отличия данной расы от иных...

– Преподаватель Каспо, – неожиданно прервали хафлинга.

Мужчина медленно обернулся и посмотрел на тянувшего вверх руку младшего наследника престола. Собственно, на Джерома заинтересованно посмотрели и все остальные, в том числе и я, мысленно гадая, почему смазливому не сидится за партой спокойно.

– У вас возникли какие-то вопросы, обучающийся?

– Правильно ли я понял, преподаватель, что на данный момент науке и истории известно только три основных вида эльфов?

Ух, кажется, меня раздражает даже звук его голоса. И чего этот белобрысый осел недопонял? Сказано – три! И точка!

Но, неожиданно для всех присутствующих в аудитории, преподаватель Каспо не стал отвечать на столь очевидный вопрос. Хафлинг уставился на Светлого принца, и они долго и пристально изучали друг друга глазами. Первым сдался почему-то Каспо, отведя взгляд в сторону, а затем и вовсе повернувшись спиной к напряженно следящей за происходящим аудитории.

– Кмх... – откашлялся хафлинг, вновь беря в руки меловую палочку. – Несмотря на разные районы заселения эльфов, их культурные особенности практически идентичны, что свидетельствует о некогда совместном проживании на одной территории и последующем расселении... Для зачета вам необходимо будет знать семь основных божеств, которым поклоняются представители кланов...

Но к своему стыду, я никак не могла сконцентрироваться на громком басы Каспо, вещающего около доски. Мой взгляд был прикован к светло-серой, фактически белой макушке Джерома.

Что мог означать его вопрос и неожиданное молчание хафлинга? Неужели есть и другие эльфы, о которых нам почему-то не рассказывают преподаватели? И если это действительно так, то в чем причина? Для чего умалчивать такую информацию?

Почувствовав мой взгляд, Джером резко повернулся.

Кошкин хвост!

Застигнутая врасплох, я поспешно опустила голову пониже и сделала вид, что полностью погружилась в процесс нудного конспектирования.

* * *

Я ходила туда-сюда по крылечку западной пристройки и... бесилась!

Уже полчаса улетели каннису под хвост, а у полуразрушенного здания невзрачной пристройки никто, кроме разъяренной парды, так и не появился. Зная мерзостный характер наследника, я еще с утра сбегала к куратору, чтобы убедиться, что про отработку Джером не соврал.

Айрис Руколо как раз пыталась привести свою внешность в порядок.

Куратор была уроженкой Вая, небольшого архипелага на юге, хорошо известного ядовитыми плантациями анчара. По какой-то загадочной причине местное население рождалось уже устойчивым к яду. Причем не только анчара, но и практически всех ядовитых растений, произрастающих на Темных землях.

Айрис имела характерное для жителей Вая строение тела: высокая, темноволосая, крупная. Сочная, как выражались ребята из параллели.

Она в задумчивости рассматривала косметичку, и в глубине ее глаз застыло точно такое же выражение паники, как у Кики, когда той на экзамене попался билет про дифференциальные исчисления биоэнергетических полей черных троллей. И если рысь мне удалось спасти благодаря заранее припрятанной в рукаве шпоре, то выручать куратора показалось как-то странно.

Поэтому, услышав крайне раздраженное «Да, Ноэми, вы приступаете сегодня, сразу же после занятий», поторопилась оставить куратора наедине с кремами, тенями, тушью и помадой.

И вот теперь я топтала ногами крыльцо западной пристройки в ожидании хоть кого-нибудь!

– Обучающаяся Вейрис? – Голос директора заставил меня вздрогнуть от неожиданности.

Резко обернувшись, я увидела Итона-Бенедикта и рыжебородого дворфа-полукровку. Оба – в высоких сапогах до середины бедра, испачканных желтой глиной, в простой, скорее всего «рабочей» одежде, которую не жалко испортить. Но если вид дворфа был привычным, то комья пыли и паутины, запутавшиеся в выгоревших на солнце волосах директора, вызвали немало вопросов.

– Вейрис, вы зачем так рано пришли? – удивился Итон-Бенедикт, стремительно взлетая по ступенькам на крыльцо и попутно шаря в карманах в поисках ключа.

– Куратор сказала, что отработка начнется сразу после занятий.

– Хм... – недовольно нахмурился мужчина, отпирая покосившуюся дверь. – Я же просил Маккалича предупредить...

Ага, нашел кого просить. В списке моих недоброжелателей у Маккалича – законное первое место. Следом – Джером.

– Что ж, в таком случае не будем терять времени, – сказал Итон, проходя в затхлое, темное помещение западной пристройки. – Артур, – обратился он к рыжебородому дворфу, – осматривайтесь, а я пока разложу все чертежи. Обучающаяся Вейрис, – бросил он, даже не поворачивая головы в мою сторону, – вы здесь раньше были?

Я кивнула, потом сообразила, что глаз на затылке директора нет, и поспешно приблизилась.

– Да, на первом курсе, когда еще работал архив. Нас водили сюда на обзорную экскурсию...

– Хорошо, значит, не заблудитесь, – кивнул мужчина и повернулся в сторону входа. – А вот и обучающийся Райвиль. Замечательно!

Ничего «замечательного» в том, что этот смазливый засранец приперся, лично я не видела, поэтому громко фыркнула и одарила наследника хмурым взглядом. Парень в долгу не остался и ответил мне тем же.

Пока мы приветствовали друг друга убийственными взглядами, Итон-Бенедикт сделал еще несколько шагов по коридору и толкнул двери в ближайший кабинет.

– Итак, враги-неприятели. Сегодня вы работаете здесь. Джером освобождает комнату от парт и прочей рухляди. Вейрис ловит крыс...

– Что!!!

Да-да, я в курсе, что кричать на взрослого мужчину, наделенного влиянием, тем более – на директора, способного одним щелчком пальцев выкинуть тебя за ворота школы, как минимум нецелесообразно, но...

Заставить парда ловить крыс?! Он, случаем, с дуба не рухнул?!

– Не понимаю, с чего такая бурная реакция, обучающаяся? – пристально глянул директор.

– При всем уважении... – которое еще надо заслужить, бывший ты вояка, – я не крысоловка!

– Серьезно?

Ах он, гад, еще и насмехаться изволит!

– Директор, – неожиданно вступил в разговор Джером, – а вам не кажется, что подобного рода общественные работы нам с обучающейся Вейрис не по статусу?

Искоса глянув на младшего наследника, я заметила крайне недовольное выражение на холеной моське. Он-то с чего пылит? Его в подпол крыс ловить никто не отправлял.

– Дайте угадаю, обучающийся Райвиль, – усмехнулся директор. – Если Ноэми не крысоловка, то вы не хламонос?

И в эту секунду я посмотрела на Итона-Бенедикта совершенно другими глазами. Во сколько там его отдали на флот? В двенадцать?

А значит, он вряд ли ходил в магическую школу, вряд ли общался со своими сверстниками, дурачился на переменах, дружил, ненавидел или влюблялся... Скорее всего, вначале были домашние репетиторы, а после – корабль, море и команда. Это все, чем успела одарить его юность, и теперь нерастраченное ребячество прорывалось сквозь строгий костюм и серьезную маску начальника.

Он развлекался! Причем за наш с Джеромом счет.

– Господин директор, – начал было мой невольный подельник на ниве общественных работ, – когда родители отправляли меня в эту школу, им было гарантировано...

И вот тут-то Итон-Бенедикт вновь едва заметно изменился. Усилился его запах, из глаз пропали искорки веселья, а сам он будто стал выше и шире в плечах.

– С того момента, как вы подписали документы о зачислении, прошли экзамены на поступление и обрели статус «обучающегося», – резко сказал директор, – заметьте, Джером, не «обучающегося престолонаследника», не «обучающегося с особыми привилегиями», а просто «обучающегося», вы на равных правах со всеми. И пока я занимаю кресло директора, ваш статус наследника не играет никакой роли. Вы можете отказаться от обучения и уйти, когда вам заблагорассудится, а сейчас приступите к отработке вашего наказания.

Сказав это, мужчина отвернулся и, склонившись над столом, принялся раскладывать какие-то схемы и чертежи.

Мамочкино высочество перекосило, но почему-то, избалованный чужим преклонением, Джером, обычно не особо следящий за словами, на этот раз удержал язык за зубами.

– Обучающаяся Вейрис, вас все сказанное касается в той же мере, так что поспешите... Крысы сами себя не изловят.

подавив бессознательное желание козырнуть на манер военных и, чеканя шаг, двинуть в сторону подвала для отлова крыс, я позволила себе еще несколько мгновений промедления, в течение которых пристально изучала широкую спину склонившегося над чертежами мужчины.

М-да... Кажется, Кики немного ошиблась. Итон-Бенедикт не просто проблема. Он наша коллективная головная боль, неожиданный геморрой и прочие неприятности!

* * *

Словно черная тень, я незаметно прокралась ближе к цели и растворилась во мраке подвала. Переступив передними лапами, прижалась брюхом к пыльному полу и, не мигая, усталилась на трех встревоженных доносившимся сверху шумом крупных мышей. Ждем-с, пока эти наглые твари не потеряют бдительность.

Кошачья сущность, полная азарта от предстоящего, активно била кончиком хвоста и едва сдерживалась, чтобы не замурлыкать от удовольствия. Ведь какая-никакая, но охота!

Правила для оборотней на территории школы были не слишком строги. Нам разрешалось превращаться в своих комнатах (если соседки не против и габариты позволяют), также была выделена небольшая территория в километре от общежития, где мы могли побегать в свое удовольствие и поиграть друг с другом.

Не знаю, как прочим оборотням, но мне этого было мало. Когда растешь в лесном прайде, кошачья натура начинает требовать чего-то большего, чем возможность на час-полтора обернуться пардой и погоняться за Кики и ее младшим братцем среди высокой травы.

Охота... Мне нужна охота!

Несмотря на возрадовавшиеся инстинкты, вот так сразу сдаться на милость директора и стать пай-кошечкой я не пожелала, решив, что вначале следует продемонстрировать мерзкому мужчине не менее мерзкий и находчивый характер чистокровной парды.

Быстро раздевшись и приняв кошачью форму, я с отважным видом на черной усатой моське двинулась в сторону подвала, чтобы уже через три минуты с диким визгом (да-да, пришлось ради дела трансформировать голосовые связки) вылететь оттуда, преследуемой стайкой крыс-умертвий.

Якобы случайно прошмыгнув под ногами Джерома, несущего к выходу парту без одной ножки, я бросилась к директору, обсуждающему что-то с дворфом. Недолго думая, прыгнула на стол, «случайно» скинула лапами на пол бумаги, а затем вскарабкалась на плечи мужчины.

Итон-Бенедикт покачулся и еле слышно выругался сквозь плотно сжатые зубы.

– Вейрис! Какого...

Договорить не успел: давно сдохшие крысы, движимые заклинанием, попытались повторить мой маневр. Едва первая из них начала карабкаться по штанине директора вверх, он резко выставил вперед руку, и на пол осыпалась серая кучка пепла. Еще одно движение – и та же судьба постигла остальных неупокоенных крысок.

– Слезайте, Вейрис, – приказал директор. – Опасных тварей поблизости больше нет.

Я вытянула шею, осмотрела поверженных крыс, затем покосилась в сторону матерящегося шепотом Джерома, который благодаря мне, такой ловкой, уронил на ногу парту, после чего с сомнением глянула на директора и покачала головой. Дескать, делайте со мной что хотите, но бедная маленькая кошечка перепугана до смерти и с безопасного места не сдвинется.

Итон-Бенедикт поймал кончик моего хвоста и несильно дернул. Я, естественно, зашипела и выпустила когти.

– Слезайте, обучающаяся. – Директор словно не заметил боли от моих коготков, проповровивших плотную ткань пиджака и коснувшихся кожи. – Слезайте. Вы все-таки не маленький пушистый котенок, а хорошо откормленная парда.

Это возмутительно! Что еще за «хорошо откормленная»? Да я пушинка!

И вообще, это не я тяжелая, это просто кое-кто слишком хлипкий!

Недовольно рыкнув директору прямо на ухо, я махнула хвостом, грациозно спрыгнула на пол и с сомнением посмотрела в сторону открытого подвала.

– Вперед и с песней, Вейрис. Осталось всего каких-то девять с половиной часов.

Зря он так...

В следующий час я профессионально разыграла спектакль «Парда, застрявшая в щели между досками», дала театрализованное представление «Ой, снимите меня скорее с этой балки, а то я тут вспомнила, что боюсь высоты» и добила коронным «Помогите! Кажется, за мной... хвост!»

Злой директор, которого оглушительные визги и необходимость спускаться в пыльный подвал ради оказания помощи глупой парде отвлекали от общения с Артуром, пригрозил, что больше на провокации не поведется, поэтому я была вынуждена объявить антракт и дать зрителям полчасовой перерыв.

К тому же на отработку я рванула сразу после занятий, и теперь, приученный к вечернему перекусу, организм требовал еды.

Живые мыши – это, конечно, немного не то блюдо, которое указывают первым в меню ресторана, но мне были важны не столько калории, сколько впечатление, поэтому я залегла в засаде недалеко от мышиной колонии и принялась терпеливо ждать.

Серая предводительница смело выглянула из своего укрытия, повела крохотным носиком и сделала несколько нерешительных шажочков вперед. Замерла, прислушиваясь, все ли в порядке, вновь принялась и только после тщательной разведки торопливо понеслась к полкам с недоеденным архивом.

Отпустив с миром храбрую разведчицу, я кинула взгляд на возвышающиеся стеллажи. Почему личные дела выпускников хранили в темном подвале, переполненном крысами, мышами и умертвиями, так и осталось загадкой. Возможно, таким нехитрым образом бывшие служащие архива совмещали приятное с полезным? Уничтожали никому не нужные личные карточки обучающихся и подкармливали мелких вредителей в надежде, что те не полезут вверх, чтобы полакомиться более ценным учебным материалом.

Поди пойми загадочную душу архивного работника!

Лежать в засаде было скучно, поэтому я прислушивалась к доносившимся сверху звукам. Дворф-полукровка пытался уговорить директора изменить что-то в предложенном плане, сократить таким образом материал и сэкономить средства. Итон-Бенедикт стоял на своем, аки скала в море, напоминая подвыпившего работягу в день зарплаты, кричащего со стойки бара: «Гуляем на все!»

Прислушиваясь к разговору, я помиловала еще несколько мышей, позволив им беспрепятственно прошмыгнуть перед носом залегшего в засаде хищника, и наконец увидела долгожданный куш этого вечера.

В отличие от своих серых блеклых сестер, этот представитель грызунов имел прекрасный темно-рыжий оттенок, обладал длинным хвостом, крохотными розовыми ушками и крупным аппетитным брюшком.

Это даже не так называемый «мышинный король». Это целый мышинный Батя!

С трудом удержавшись, я облизнулась и приготовилась к броску.

Рыжий Батя куснул попытавшуюся прошмыгнуть вперед него мышь, лениво понюхал воздух и вразвалочку посеменял к ближайшему стеллажу. И почему-то именно в тот идеальный момент, когда черненькая пардонка приготовилась совершить бросок и сжать в когтистых лапах жирного мышонка, наверху что-то с оглушительным стуком упало, а затем раздался громкие и очень злые комментарии младшего наследника престола.

Мышинный Батя замер не то от неожиданности, не то от услышанных непристойностей (не удивлюсь, если мышонок даже покраснел), а затем неожиданно прытко рванул обратно в норку.

Твою ж!

С диким воплем я прыгнула вперед, отрезая добыче пути к отходу.

– И-и-и! – заголосил мышонок, каким-то невероятным образом умудряясь кувыркнуться прямо в воздухе, уйти от моего удара лапой и со всех ног помчаться в противоположную сторону.

Ну уж нет! Никакие вредные наследники с кривыми руками не испортят мне охоту!

Воинственно зашипев, я рванула за ускользящей добычей, но удивительно шустрый для своей комплекции рыжий вредитель заложил крутой вираж и проскочил между моих лап. Не готовое к такому высшему пилотажу тело парды слегка занесло на повороте, задние лапы заскользили по скользкому полу, и я больно стукнулась пятой точкой о нижнюю полку стеллажа.

Сцепив зубы, дабы не повторить ранее озвученную Джеромом не слишком приличную тираду, я присела, оттолкнулась лапами и совершила потрясающе красивый и точный прыжок.

– И-и-и!!! – снова заверещал оказавшийся в когтистых лапах мышинный Батя. Он забился, пытаясь вырваться из крепкого захвата, и смешно защелкал зубами.

Я довольно мурлыкнула.

Ах, какая ловкая! Ах, какая быстрая! Ах, какая... Какого хрена?

Тихий, на грани слышимости скрип заставил добычу и хищника замереть и прислушаться. Перегруженные, покрытые многолетней пылью полки стеллажей стонали, кряхтели и изображали предсмертные стоны. Затем на короткое мгновение в темном подвале наступила тишина, но в тот момент, когда мне уже всерьез начало казаться, что все обошлось, раздался противный чавкающий хруст и передняя ножка шкафа подломилась...

Упс!

Первыми в движение пришли книги и тяжелые папки с личными карточками. Я вскочила на лапы, чтобы не быть погребенной под страницами никому не нужной писанины, но сверху прилетел тяжелый томик в синем переплете, который больно припечатал меня по затылку. Не ожидая такой подставы, я потеряла координацию и плюхнулась пузом на пол, раскинув все четыре лапы, а затем меня завалило остатками стоявших на полках книг.

Поняв, что недавний хищник сам превратился в жертву, мышинный Батя радостно пискнул, снисходительно глянул на поверженную книгами черную кошку и (хвостом клянусь!) показал мне язык.

Возмущенная до кончиков усов, я каким-то чудом смогла приподняться, а дальше практически одновременно звонко клацнули зубы и с оглушительным грохотом обрушился стеллаж.

– Ноэми! – По голосу директора сложно было разобрать, переживает он или бесится.

Послышались тяжелые шаги, закрипела первая ступенька лестницы, ведущей в подвал.

– Ну держись, хвостатое недоразумение! – прозвучала угроза, а затем в подвале вспыхнул свет.

В тусклом свете одной-единственной лампочки, висевшей под потолком, перед мужичиной открылась весьма неожиданная картина. Под останками развалившегося стеллажа, погребенная среди кучи книг и папок с личными делами, лежала черная парда. Из-под завала выглядывала только ее припорошенная пылью и паутиной морда. В зубах довольной кошки был крепко зажат хвост крупного рыжего мышонка, который изо всех сил перебирал лапами, не теряя надежды вырваться и бежать.

– Обучающаяся Вейрис... – тяжелый вздох. – Вы издеваетесь?

Я? Издеваюсь?! Между прочим, «ловить крыс и мышей» не было моей личной инициативой!

Торопливо сбежав по лестнице, директор наклонился и достаточно легко приподнял деревянный стеллаж.

– Вылезайте, Вейрис, и советую бежать наверх как можно быстрее. В противном случае никто не даст гарантий, что я смогу сдержаться и не устрою карательные мероприятия в отношении вашей попы, целый вечер ищущей себе приключений.

Угроза настолько потрясла мою кошачью душу, что я подняла морду и от удивления приоткрыла рот.

Радостно пискнув, мышиный Батя рванулся вперед, оставляя поверженную кошку ни с чем. Теперь на директора я смотрела дико обиженными глазами.

– И не надо на меня дуться, Ноэми, – устало сказал мужчина, продолжая на весу удерживать такой тяжелый с виду стеллаж. – Вылезайте!

Демонстративно громко фыркнув, я гордо задрала нос, собрала лапы в кучку и приподнялась. Со всех сторон тут же посыпались листочки, выпавшие из личных карточек, книжки с погрызенными мышами уголками и прочая бумажная чушь. Нарочито медленно я выбралась из-под обвала и, неторопливо переступая мягкими лапами, пошла в сторону лестницы. Где-то на середине пути почувствовала взгляд и резко припала на правую заднюю лапу.

Смотрите, директор! Я бедная маленькая парда, пострадавшая на ниве общественных работ. Меня низзя эксплуатировать. Мной надо любоваться и вообще пылинки сдувать!

– Прекратить спектакль! – рявкнул Итон-Бенедикт, выпуская из рук стеллаж. – Живо наверх одеваться!

Взвизгнув от резкого приказа и даже, кажется, невысоко подпрыгнув от неожиданности, я рванула по лестнице с такой скоростью, что и сама не заметила, как очутилась за плотно закрытыми дверями. В комнате, где раздевалась в начале общественных работ.

– Обучающиеся, – громко позвал Итон-Бенедикт из коридора, – на сегодня вы закончили. Жду обоих завтра после обеда.

* * *

Всю ночь меня мучили кошмары.

Я вздрагивала, просыпалась и долго ворочалась с боку на бок, пытаюсь снова заснуть и отдохнуть. Но стоило вновь смежить веки, как в темноте полудремы вокруг меня начинали кружить крысы размером с хорошо прикормленных носорогов. Они вились вокруг, шипели, зло сверкали алыми глазенками и дубасили лысыми омерзительными хвостами...

Бр-р!

Утром, заявив прихорашивающейся Кики, что общественные работы нанесли мне глубокую психологическую травму, я перекинулась и, свернувшись чудесным черным клубочком, попыталась продлить пытку сном еще немного. После такой сказочной ночи идти на занятия было крайне неосмотрительно по отношению к своему организму.

К несчастью, спасительный лечебный сон все не шел, и вернувшаяся спустя час рысь застала меня все в том же состоянии.

– Доброе утро, растрепашка! – улыбнулась подруга, ероша шерсть у меня на загривке.

Лениво выгнувшись, я все-таки собралась с силами и попыталась встать навстречу новому дню.

– Ты чего вернулась? – перекидываясь обратно в человека, полюбопытствовала я.

– Осознала, что бежевый – не мой цвет... – заявила Кики, а потом выглянула из шкафа, в котором что-то лихорадочно пыталась найти, и на полном серьезе выдала: – Это меня убивает!

Улыбнувшись, я оставила рысь наедине с поисками нужной вещицы, натянула на голое тело шелковый халатик и пошла умываться.

Наша комната была рассчитана на четверых, но в связи с репутацией школы (точнее – полным отсутствием таковой) наполняемость студентами была ниже некуда. И если приемная комиссия начало каждого учебного года встречала в слезах и панике, то Кики откровенно радовалась сложившемуся недобору, захватив в личное владение два оставшихся в комнате «ничейных» шкафа.

Надо отметить, что у всех кошечек (вне зависимости от их прайда) есть общая черта: мы все тщательно следим за своим внешним видом. Но в случае с Кики все было несколько круче. Девушка была помешана на вещах, искусно подобранных аксессуарах, дорогой косметике и туфлях. Все три шкафа Кики ломались от избытка красивых и безумно дорогих вещей. И самое примечательное в том, что на моей памяти рысь еще ни разу не надевала одну и ту же одежду дважды.

Мне бы такие таланты и... такой большой кошелек!

Приняв прохладный душ и приведя себя в порядок, я вернулась в комнату.

– Советую приодеться, – предупредила рысь, придирчиво крутясь перед зеркалом.

Она сменила бежевый джемпер на тонкую белую блузку, выгодно подчеркивающую каждый выступающий изгиб тела, и теперь пыталась подобрать шелковый платок в тон.

– А что, есть повод? – копошась среди вешалок, поинтересовалась я.

– А как же! Пока ты дрыхла, директор отменил первый урок и собрал всех в актовом зале для срочного объявления...

Черное платье с нежно-розовым кружевным воротником выпало из моих рук.

– Что?!

– Ой, ну чего ты переживаешь, – поморщилась Кики. – Я отметилась за нас двоих, так что официально никто о твоём прогуле не узнает. Но мне кажется, пора менять учебное заведение.

Поднятое с пола платье вновь выпало из моих рук.

– Что-о-о?!

Кики, как, впрочем, и я, использовала магическую школу в попытке побыть самостоятельной и выйти из-под опеки семьи, поэтому ее слова о смене места учебы поразили меня до кончика хвоста.

Поймав в отражении зеркала мой удивленный взгляд, девушка грациозным движением поправила волосы и плюхнулась на свободную кровать.

– Хочу заметить, что я всех предупреждала относительно нашего нового директора. – Даже эти слова почему-то прозвучали грустно. – Как увидела, сразу поняла: мужик деятельный попался. А значит, что?..

– Жди парада перемен?

Девушка кивнула и принялась кратко пересказывать суть утреннего собрания.

Оказалось, что новый руководитель философской школы общего профиля не впечатлился собственной должностью. Каким-то удивительным образом Итон-Бенедикт смог свершить невероятное. Он надавил на аттестационный комитет министерства магического образования и предоставил все основания для того, чтобы перевести паршивенькую магическую школу общего профиля в самую настоящую магическую Академию, а себя из директоров повысил до ректора.

Кто еще не понял – это Великая Печалька!

– Пока изменен только статус, – продолжала делиться новостями рысь. – Но ректор «обрадовал» тем, что до конца декады проведет анализ профпригодности всех педагогов. Параллельно рассмотрят личные карточки должников. Худшие среди педагогов будут уволены, обучающиеся с кучей хвостов – отчислены, для остальных в конце декады пройдет трехчасовой тест, по итогам которого нас распределят по пяти основным курсам.

– Пять курсов? Чего он выдумывает? Мы же общий профиль!

– Ахам-с, – недовольно скривилась подруга. – Прощай, спокойная жизнь... Теперь придется всерьез взяться за учебу.

Комнату наполнил наш коллективный вздох, полный печали.

* * *

– Обучающаяся Вейрис, очень жаль, что вы проигнорировали утреннее собрание, – встретил меня хмурым взглядом ректор, стоящий на крыльце в западную пристройку. – Оно, кстати, было обязательным для всех.

Я опустила голову и попыталась скрыть удивление.

Кики ведь отметила меня среди присутствующих, а это значит, что наш карьерист либо чрезвычайно глазаст, либо уже успел обзавестись бесплатными стукачами.

– Надеюсь, вам все передали о нововведениях?

– Да... – коротко ответила я, внимательно разглядывая возвышающегося мужчину.

Сегодняшний Итон-Бенедикт кардинально отличался от вчерашнего. Вместо простой рабочей одежды – строгий деловой костюм, золотые часы на запястье, массивный перстень на указательном пальце левой руки. Вместо выгоревших на солнце, растрепанных волос и легкой щетины – тщательно выбритое, сосредоточенное лицо и зачесанные назад волосы.

А еще от него вновь разлило той самой незнакомкой с чересчур сладкими духами.

– Сегодня работаете под присмотром Маккалича и куратора Руколо, – сухо бросил ректор, спускаясь по ступенькам. – Надеюсь, в этот раз обойдется без происшествий?

Уверенно кивнула.

Конечно, без происшествий! Крыс и мышей меня больше никто ловить не заставит, прибить Джерома не даст Маккалич, в свою очередь, куратор Руколо не позволит телохранителю укокошить чистокровную парду, а сам Джером в присутствии Айрис не станет вступать со мной в перепалку.

Ляпота-а-а...

Пожелав ректору приятного вечера, я поднялась по ступенькам и смело вошла в здание, чтобы тут же удивленно ахнуть.

Западная пристройка, отданная под нужды канцелярских кры... кмх! служащих для создания архива магической школы, не то чтобы на ладан дышала. Она, откровенно говоря, давно нуждалась в капитальном ремонте (начиная где-то с третьего дня после постройки). Шишей на ремонт, естественно, ни у кого не было, поэтому трехэтажная пристройка тихонько ветшала и ненавязчиво разрушалась.

К несчастью, прокатившийся по территории Аристалии во время летних каникул ураган ощутимо потрепал крышу, сделав здание совсем не пригодным для дальнейшей эксплуатации.

Вчера, со скрытым злорадством прислушиваясь к тому, как Джером таскал парты и прочую рухлядь, я искренне верила, что «торжественный вынос хлама» нужен для сноса. Но уж никак не для ремонта!

– Чего застыла?! – прикрикнул широкоплечий дворф, закидывая на плечо тяжеленный мешок с цементом.

– Ты к Артуру? Так он пошел на часок вздремнуть, – обратился ко мне второй рабочий, с большой банкой едко пахнувшего лака в руках.

– С такими-то сроками работы о полноценном отдыхе можно забыть, – весело добавил третий дворф, ловко сматывая толстый жгут.

– Так что приходи попозже, – подвел итог первый, унося мешок в ту самую комнату, где я вчера переодевалась.

Прикрыв нос шейным платком, чтобы спасти тонкое обоняние кошки от резкой вони растворителей, краски, пропитки и лака, я подошла поближе ко второму рабочему, который показался наиболее осведомленным, и призналась:

– Мне не к Артуру, мне бы на отработку... Не знаете, где можно найти куратора Руколо?

– А-а-а... – понимающе протянул тот. – Поднимайся на третий этаж, – махнул кисточкой в сторону лестницы рабочий. – Они где-то там.

Осторожно переступая через разбросанные инструменты и кучи строительного мусора, я пересекла нижнюю площадку и под аккомпанемент молотков, дрелей и тихой ругани рабочих поторопилась вверх.

«Где-то там» оказалось просторным кабинетом, в котором с комфортом расположились куратор и личный телохранитель наследника. Айрис угощала молодого мужчину пирожками из столовой и поила ароматным чаем из термоса, а Дерен потчевал куратора рассказами о придворной жизни.

Появление кого-то третьего спутало бы все карты куратора в выработанной стратегии по завоеванию внимания Маккалича, поэтому, вручив мне тряпку и ведро, она послала меня в соседний кабинет мыть окна.

Окна – это все-таки не отлов крыс в пыльном подвале, так что я пожала плечами и отправилась отрабатывать свой недавний прокол на уроке профессора Тебиона.

– Привет, хвостатая, – хмуро глянул Джером.

– Привет, смазливый, – ехидно улыбнулась в ответ. – Чего такой помятый?

Парень украдкой зевнул, махнул рукой, мол, отцепись, не твоего ума дело, и поменял тему:

– Тебе что сказали делать?

– Окна мыть, – вздохнула я, безрадостно оглядывая четыре витражных окна. – А тебе?

– Перегородку сломать, – вздохнул наследник.

– Ну, ломать – не строить!

Стянув темно-коричневый кардиган, я придирчиво оглядела ближайшее окно, провела пальцем по стеклу и впечатлилась толстым слоем пыли вперемешку с грязью. А что, господа бумажкомаратели не знакомы со словом «уборка»?

– Принести тебе воду? – неожиданно предложил Джером.

– Сама справлюсь!

С самым независимым видом я подхватила ведро и направилась к выходу. Ведро было небольшим, металлическим, с погнутой ручкой и криво нарисованным желто-красным цветком на боку. При каждом моем шаге оно издавало потрясающий скрипучий звук, от которого мои чувствительные ушки едва не сворачивались в трубочку.

Прямо пыточный инструмент, а не хозяйственный инвентарь.

По запаху отыскав на этаже туалет, я набрала воды в раковине и потащила обратно. Ведро было почти полным, поэтому ничего удивительного в том, что по пути я пару раз зацепилась им за ногу и расплескавшаяся вода замочила черные джинсы и просочилась в сапоги.

Тихонько ненавидя весь мир в целом и собственное упрямство в частности, я все-таки дотащила ведро до кабинета и с громким стуком водрузила на подоконник.

– Да-а-а... у меня бы ТАК хорошо донести не получилось, – язвительно заметил Джером, с улыбкой наблюдая, как я стягиваю сапоги и вытряхиваю из них воду.

Ненавижу, когда кто-то прав, а я при этом ошибаюсь. Особенно когда прав этот смазливый придурок!

– Может, уже займешься делом?

Джером усмехнулся, расстегнув верхние пуговицы, стянул рубашку через голову и кинул ее на спинку стула, где уже висел мой кардиган. Оставшись в одной майке, совершенно не скрывающей поджарое тело, младший наследник взял лом и принялся за дело.

Понятия не имею, чему учат наследников и возможных правителей, но с ломом Джером управлялся на удивление неплохо. Пока я протирала подоконник и разувалась, чтобы стоять на его чистой поверхности, а не грязном полу, парень умудрился выломать несколько досок из хлипкой перегородки, разделяющей кабинеты, и даже не запыхаться.

Вид Светлого принца, работающего наподобие простых работяг, был настолько необычен, что, даже приступив к мойке окна, я нет-нет да и кидала украдкой быстрый взгляд из-под ресниц. И как вчера на уроке Каспо, парень словно почувствовал один из таких взглядов. Он быстро повернулся, застав меня врасплох. Пока я краснела от непонятого смущения, активно делая вид, что полощу тряпку, Джером приблизился и самодовольно улыбнулся.

– Ноэми...

– Ну чего?!

Я стояла на подоконнике, поэтому, по идее, должна была возвышаться над замершим у моих ног парнем, но почему-то чувствовала себя словно маленький закомплексованный котенок, которого впервые познакомили с сиятельным наследником Джеромом.

Он был очень симпатичным парнем, знал об этом и, что хуже того, пользовался своим обаянием. Лично меня всегда приводили в восторг его глаза: светло-голубые, глубокие и задумчивые, словно небо в летний день. Мою сестру (тоже, между прочим, чистокровную парду) восторгами удивительно светлые мягкие волосы, которые в детстве Джером по настоянию родителей отращивал, но в последнюю пару лет почему-то начал стричься короче. А еще Джером любил сочетать загадочную улыбку и долгий пронзительный взгляд, отчего лично у меня всегда перехватывало дыхание, а кошачьей сущности хотелось творить глупости.

Вот и сейчас меня попытались поймать на крючок очарования. Только я не наивная рыбка, я зубастая щука... Точнее – кошка!

– Мне, конечно, до глубины души импонирует твое обожание во взгляде, но время, знаешь ли, не резиновое! Мне еще четыре окна драить, тебе – стену сносить, поэтому дублирую свой вопрос: ты чего-то хотел?

Взгляд голубых глаз стал задумчивым, а потом Джером словно очнулся от наваждения.

– Ничего... – Он отвернулся, заметил ведро, стоящее на подоконнике, и подхватил за ручку. – Вода грязная. Я поменяю.

И, не дав мне опомниться, наследник вышел из кабинета, оставив меня наедине с мокрой тряпкой, пыльным окном и кучей вопросов.

Во дела... Кошачьи боги, что происходит с этим парнем?

К тому времени как Джером вернулся, я успела домыть раму и перешла ко второму окну. Водрузив на подоконник ведро, наследник, не говоря ни слова и стараясь вообще не смотреть в мою сторону, поднял лом и принялся за разрушения.

Так в относительной тишине, каждый погруженный в работу и собственные мысли, мы провели бок о бок почти три часа. За это время Джером доломал стену, вынес доски и успел раз пятьдесят сбегать поменять воду для меня. К сожалению, окна приобретали блеск и чистоту с меньшей скоростью.

– Нам велели заканчивать, – принес благую весть Джером, возвращаясь из коридора. – Тебе помочь?

– Сама справлюсь! – сдувая со лба темную прядку, отмахнулась я.

– Ну-ну... – улыбнулся наследник. – Так же ловко, как с ведром?

Я кинула на него тяжелый взгляд, но поняла, что слишком устала и проголодалась, чтобы вступать в диспут и тратить время.

– Нет, я действительно почти закончила, – выжимая тряпку, ответила Джерому. – Осталось только протереть раму на форточке, и все...

Чтобы лишний раз не наклоняться, ведро я подняла наверх и зацепила за ручку форточки, поэтому сам подоконник был мокрым из-за летящих сверху брызг. Поняв этот факт, Джером прислонился плечом к стене, поднял голову и хитро прищурил голубые глаза.

– Ваш куратор – на редкость цепкая женщина, – заметил он. – Маккалич едва на стену не лезет от ее навязчивого внимания.

– Вот уж за кого стоит переживать в последнюю очередь, так это за Дерена, – фыркнула в ответ. – Он из тех, кто запросто может давать целые лекции на тему «как избежать брака».

– Ты, кстати, тоже.

Выронив тряпку из рук, я резко развернулась и хмуро глянула на ухмыляющегося блондинчика.

– А ну-ка поясни.

Джером пожал плечами и скрестил руки на груди. Он все еще оставался в майке, поэтому моему взору открывался весьма неплохой вид на мускулистые плечи.

Кто бы мог подумать, что у этого высокого доходяги есть мышцы! Но не отвлекаемся...

– Ноэми, ну хватит разыгрывать из себя невинного котенка, – улыбнулся он.

– Понятия не имею, о чем ты, – ушла я в глухую несознанку.

Джером вполне мог знать об истинных причинах моего появления в философской школе общего профиля, но в то же время мог и блефовать, ожидая, что я проколюсь и выложу ему все как на исповеди.

– Брось, Ноэми, – ничуть не смутился от моего пристального взгляда наследник. – Думаешь, я поверил в то, что наша независимая пардочка решила поучиться? Ты даже читать не любишь! Я уж молчу про твои весьма скромные магические познания.

Я обиженно надула губы, хотя все сказанное Джеромом было правдой. С охотой читала я только «легкую» литературу, для отдыха, а учебники в эту категорию явно не входят. И да, маг из меня тот еще. Если бы не природный дар к магии крови, доставшийся от прабабушки, то меня даже на порог школы не пустили бы.

Джером приблизился.

– У твоей семьи достаточно денег, чтобы отдать тебя в Академию имени Зальцера-Сокрушителя, но ты здесь. Значит, в школу ты пришла не учиться, ты в нее сбежала, – продолжил раздражать своей осведомленностью Джером. – А прятаться ты можешь только от одного – от навязанного прайдом брака. Я прав?

Прав на все сто, но кто ж в этом сознается?

– Тебя моя личная жизнь не касается, – недовольно буркнула я и отвернулась.

– Ошибаешься, Ноэми. Еще как касается.

Это было так возмутительно, так в духе Джерома, что я не выдержала и зашипела. Рука произвольно дернулась, трансформируясь в боевую форму, и задела ведро. Висящая на

крючке емкость опасно покачнулась и неожиданно съехала вниз. Вода внутри пришла в движение.

Я попыталась ухватить падающее ведро, но мокрые пальцы соскользнули с края. К несчастью, поднявший голову младший наследник увидел лишь ведро в моих руках, а следом его окатило потоком грязной воды и в придачу оглушительно громко приложило по темечку ведерком.

И я честно хотела извиниться! Даже пожалеть этого избалованного красавчика! Но, глядя на ошарашенного Светлого принца и возможного правителя Аристалии, по лицу которого скатывались мутные капли воды, не смогла удержаться от смеха.

– Ноэми! – возмутился вышедший из себя Джером. – Это не смешно!

Еще как смешно! Так смешно, что меня аж согнуло пополам, и я была вынуждена сесть на подоконник и схватиться за живот.

– За что столько ненависти, Ноэми? – накинулся парень. – Мы же неплохо раньше ладили друг с другом! Что я сделал, чтобы заслужить твои постоянные подколы, стеб, а теперь еще и вылитые на голову помои?!

– Ну, с помоями ты погорячился. Всего-то...

– Ноэми! – оборвал принц. – В чем дело?

Я колебалась, не зная, признаваться или нет.

– Ну же! – рявкнул Джером, подходя ближе и упираясь руками в подоконник по сторонам от меня.

Меня немного смутило то, как близко он оказался. К тому же при взгляде на взбешенного принца смеяться резко перехотелось.

– Я имею право знать! – наседал парень. – Чем я заслужил такое отношение?

И я не выдержала. Ну в самом деле, раз он так настойчиво просит, я, что ли, должна молчать?

– Ты разрыдался, как девчонка! – выпалила я и обвинительно посмотрела в растерянные голубые глаза.

– Разрыдался? – переспросил парень. – Я?!

Ой, вы только гляньте на этого актера! Какая точная передача удивления в голосе! Какая энергия, какая восхитительная работа лицевых мышц! А какая утонченная подача! Bravo! Просим еще!

– Вот только не надо тут из себя строить невесть кого, – разозлилась уже я. – Вспоминай! Мы пускали флотилии в саду рядом с фонтаном из белого мрамора, ты обнял меня и поцеловал!

– А потом ты влепила мне пощечину... – тихо закончил Джером.

– Да. – На моих губах появилась снисходительная усмешка. – И ты разрыдался! – обвинительно ткнула ему пальцем в грудь. – И побежал ябедничать родителям, а вечером всех пардов попросили убратся с территории королевского замка.

Я смотрела в глаза Джерома и вновь возвращалась в тот день. Нам так и не дали разъяснений, почему приближенную семью пардов, одних из самых верных сторонников Райвилей, выгоняют из королевского замка. Потом отец ездил туда каждый день в течение декады, чтобы узнать причину и попытаться наладить отношения, но с ним не решались разговаривать даже стражники.

Никто не понимал, что происходит. Никто... кроме меня.

– Значит, все дело в том, что я плакса и ябеда? – уточнил Джером, вставая ближе и неожиданно крепко сжимая в своих руках.

– Пусти! – гневно пискнула я, стараясь вырваться, но Светлый принц словно и не заметил моих дерганий.

Сжав еще сильнее, он наклонился, потерся щекой о мои волосы, прикрыл глаза и вздохнул.

– Ноэми, мне было девять лет, – тихо сказал он. – Я впервые в жизни влюбился в девочку, и, к несчастью, она оказалась самой вредной пардой на свете.

Я громко фыркнула, оставила попытки вырваться и с каменным выражением лица отвернулась в сторону. Как оказалось, зря.

– В тот момент рухнул весь мой мир. – Джером наклонился еще ниже, и теперь при каждом слове его губы едва ощутимо касались моего виска. – Я заплакал не от боли, я заплакал от неожиданности. Ты разбила мне сердце, кошечка. Ранила так глубоко, что я спрятался в саду и пробыл там до ужина.

Он неожиданно выпустил меня из своих странных объятий и шагнул назад.

– Никто, кроме нас двоих, не знал о случившемся, – сухо добавил он, глядя мне в глаза. – Пардов попросили уехать по другой причине.

Резко повернувшись, Джером подхватил со стула свою одежду и, чеканя шаг, вышел из кабинета.

Глава 3. Проверка

– Сколько до начала урока?

Лихорадочно перечитывающая конспект подруга мельком глянула на запястье и обрадовалась:

– Три минуты!

– Покусанный каннист! – сквозь зубы выругалась я, но сидящий через три парты оборотень все равно услышал и повернулся. – Прости, Лиам. Вырвалось.

Молодой волчонок медленно кивнул, но, судя по выражению лица, осадочек в душе у парня остался.

– Молодец, Ноэми, – фыркнула сидящая рядом рысь, засовывая шпору за обшлаг рукава. – Будто мало нам открытых уроков и проверочного экзамена по всем предметам, так теперь еще и стая этого волка начнет ворчать, скалиться и планировать убийственную мстю. Умница, кошечка, так держать!

Признавая правоту Кики, я застонала в голос и, обхватив руками голову, рухнула лицом на страницы раскрытого учебника.

Вот уже четыре ночи подряд меня мучили кошмары с участием крыс, дворфов с топорами наголо, мумией ректора и умирающего прямо на моих глазах Джерома. Я просыпалась от собственных криков, а потом Кики долго гладила меня по спине, пытаясь успокоить.

Но жуть и кошмары преследовали меня не только по ночам.

Ректору необходимо было проверить преподавательский уровень, поэтому днем проходили открытые занятия. Ирония в том, что выслуживающиеся перед начальством педагоги для доказательства своей компетентности обрушились на студентов, и теперь каждый урок был равен устному экзамену.

В результате последние четыре дня я жила приблизительно в таком режиме: проверочные уроки, обед, зубрежка, общественные работы, снова зубрежка, ночные кошмары, утро...

От недосыпа я была вялой и раздраженной, от переизбытка разноплановой информации болела голова, от необходимости проводить бок о бок с Джеромом по несколько часов в день не давала покоя совесть.

Короче, радостного было маловато.

– Здравствуйте, обучающиеся, – поприветствовал входящий в аудиторию профессор Тебион.

Класс дружно поднялся, приветствуя педагога, и сел обратно.

– Рад наконец узреть стопроцентную посещаемость на своем предмете, – улыбнулся профессор, подошел к столу и начал доставать из портфеля материалы для урока. – Жаль, что на теме по разложению останков умертвия присутствовало только три человека, – посетовал он. – Там был такой потрясающий материал... Ну да ладно. Сегодня тоже скучать не придется.

По аудитории пронесся коллективный вздох, на партах появились пузырьки с нашатырем, а сидящая на преподавательском столе статуэтка каменной горгульи ожила и заинтересованно вытянула шею, силясь рассмотреть, чем же таким особенным профессор порадует неокрепшую психику своих учеников.

Все дело в том, что профессор Тебион действительно был очень хорошим педагогом (к тому же единственным среди педагогического состава, кто защитил своими работами звание «профессор»). Талантливый оратор, уникальный специалист в своей области, он творчески подходил к каждому занятию, стараясь преподнести даже очень трудный материал в самой доступной форме. И у него получалось. Занятия были насыщенными, интересными и подкреплялись визуальным материалом. К несчастью для студентов, ибо предмет, который вел профессор Тебион, назывался «Существование после смерти».

– Итак, приступим, – с предвкушающей улыбкой на губах сказал мужчина. Тема занятия: «Трупные образования. Виды и визуальное обнаружение».

– Чет меня уже слегка мутит, – прошептала Кики.

Да, именно в этом и заключалась проблема проводимых профессором занятий. Любопытство и изучать дидактический материал могли только пятеро из общего потока: каннис Лиам, вечно мрачная Колет, Шархай, черный лизэ Шон-ру и, собственно, одна маленькая скромная черная кошечка (да-да, это про меня).

Не сказать, что наша пятерка отличалась крепкими желудками или какой-то извращенной тягой к давно сдохшему и тихонько разлагающемуся. Просто мы были пятеркой с родовым даром магии крови. Хоть не хощь, а переданная предками сила требовала подчинения и изучения, поэтому в основном только мы и торчали на уроках «Существование после смерти».

Остальные переписывали конспекты и подтягивались только в конце четверти, чтобы сдать проверочные самостоятельные и итоговую контрольную.

Первая половина занятия прошла относительно неплохо. Профессор Тебион с интересом рассказывал о всевозможных трупных образованиях, по которым легко можно вычислить умертвий, притворяющихся людьми, восставших мертвецов и владетелей. За это время плохо стало только чересчур впечатлительной Мие. Живое воображение, помноженное на слабую нервную систему, сыграло с девушкой злую шутку, и она плюхнулась в обморок.

Обморок – не проблема, Мию очень быстро привели в чувство (благо пузырьков с нашатырем имелось в избытке), но оказалось, что при падении она ударилась лбом о ножку стола, и теперь на лбу разрасталась шишка гигантских размеров.

– Что же вы, девочка моя, – покачал головой расстроенный профессор, провожая Мию и двух добровольцев в медпункт, – мы же еще даже к демонстрации не перешли... Там такой достоверный материал!

Сокрушался он напрасно, так как большая часть девушек решила, что безопаснее для психики не дожидаться практики. В итоге получилось следующее: половина аудитории симулировала обмороки различной степени правдоподобности, а вторая, будучи отважными рыцарями, не имеющими права бросить дам в беде, бросилась спасать одноклассниц.

– Вот это да... – выдала потрясенная горгулья, что-то старательно записывая в блокнотик. – Первый раз вижу такую бездарную игру на публику! Обучающийся Рохо, вы зачем девушку за грудь лапаете? Будьте находчивы, пользуйтесь моментом. Обучающийся Айран, искусственное дыхание – это уже перебор.

С драматическим стоном «Ах!» на пол элегантно упала Кики, которую тут же поспешило спасти аж четыре «рыцаря». Я же безучастно осталась сидеть на месте, искоса наблюдая за тем, как остальные потихоньку линяют с урока. Мне тоже безумно хотелось свалить, но получить еще десять часов общественных работ за повторный срыв урока профессора Тебиона – это уже перебор.

Интуиция не подвела: спустя три минуты в кабинете появился ректор, строгим взором оглядел симулянтов и «рыцарей неотложки» и улыбнулся. Радостно так... Довольно... И сразу стало ясно: дворфы получают кучу помощников для приведения западной пристройки в надлежащий вид.

Толпа обучающихся притихла и с ужасом уставилась на ректора.

– Гуля, – обратился Итон-Бенедикт к статуэтке на преподавательском столе, – ты всех посчитала?

– А как же, господин! – довольно осклабилась каменная горгулья. – Целых девятнадцать неудачников.

Коллективный стон подтвердил слова горгульи, что они действительно неудачники.

– Прекрасно, – не замечая общей печали, еще раз улыбнулся ректор. – Прошу халявщиков пройти в мой кабинет. Благоразумные остаются на уроке. Простите за беспокойство, профессор.

– Ну что вы... какое беспокойство... – растерянно пролепетал преподаватель и, дождавшись пока аудиторию покинут провинившиеся, окинул взглядом скромные ряды оставшихся. В пустой аудитории осталась наша пятерка и... наследник.

– Ну, это даже и к лучшему, – улыбнулся профессор Тебион, промакивая платочком выступившую на лбу испарину. – Подходите ближе к столу, чтобы всем было видно...

...Надо признать, такого кошмарного урока на моей памяти еще не было.

Профессор Тебион расстарался и притащил в качестве наглядного материала хорошо сохранившуюся руку дворфа, свеженький клочок кожи умертвия, оскаленную голову восставшего мертвеца в банке с формальдегидом и ступню давно сдохшего тролля.

Мужчина подобрал прекрасные образцы для визуального обнаружения трупных пятен. Не учел он только одного – запаха! А мы, оборотни, весьма и весьма к нему чувствительны.

В тот момент, когда преподаватель открыл герметичные контейнеры и выложил перед нами на столе свои богатства, я резко позеленела от попавшей в легкие вонь и покачнулась. Если бы не оказавшийся позади меня Джером, успевший вовремя подхватить и придержать, удивительная смесь амбре точно сбила бы меня с ног.

Мне было плохо, и не мне одной. Приятный трупно-зеленоватый цвет появился на лицах Шархая и Шон-ру. Лиам – так вообще не выдержал и, отбежав в уголок, склонился над предсмирительно оставленным там тазиком. Я подумала было присоединиться к волчонку, но неожиданно на помощь вновь пришел Джером. Точнее, не он сам, а его запах.

Да, с годами запах человека меняется, но не сильно. И хотя прошло уже очень много времени и мы оба умудрились повзрослеть (кто-то больше, кто-то меньше), запах остался прежним.

Младший наследник пах для меня по-особенному – соком свежескошенной травы. Когда в детстве он бывал чем-то расстроен, к этому запаху примешивался запах обжаренного миндаля. Когда радовался или был чем-то сильно возбужден, от него начинало пахнуть свежестью и электричеством, словно после долгой грозы.

Незаметно отклонившись назад, я сконцентрировала внимание именно на этом приятном, успокаивающем запахе Джерома.

Тошнота уступила любопытству, и постепенно объяснения профессора увлекли. Заинтригованная синюшным образованием на лбу восставшего, я, поддавшись азарту, наклонилась вперед, чтобы лучше рассмотреть все через слой стекла и формальдегида, и в результате потеряла связь с источником своей силы.

Последствия не заставили себя долго ждать.

Зажав рот рукой, я оттолкнула Джерома и бросилась к волчонку, не решающемуся далеко отходить от спасительного тазика. Тяжелый спазм, спровоцированный запахом разложения, потряс обессиленное бессонными ночами тело.

Мамочка моя кошка!

Кто-то подошел сзади, заботливо убрал мои волосы от лица и осторожно подхватил за талию одной рукой.

От тазика я не отходила долго. Так долго, что обеспокоенный профессор Тебион, только сейчас сообразивший, почему оборотни так бурно реагируют, прервал урок, торопливо упаковал материал обратно в герметичные контейнеры и отпустил всех пораньше. Но мне было так плохо, что я даже не смогла порадоваться тому, что этот ад закончился раньше времени.

– Держись, котенок, – попытался подбодрить бледный Шархай, протягивая стакан с водой.

Выпрямившись, я трясущимися руками забрала стакан, сделала первый жадный глоток в надежде смыть горечь и подумала было, что жизнь налаживается, но уловила в недопустимой близости от себя знакомый запах.

Джером стоял все это время сзади, поддерживал меня над тазиком и был свидетелем моей слабости... Кошачьи боги! Можно я сдохну и присоединюсь к учебным пособиям профессора Тебиона?

– Ноэми, ты в порядке?

Я закрыла глаза и покачала головой.

Позор! Это самый позорный позор из всех позоров! Это провал! Это жирный крест на моей спокойной жизни, потому что Джером никогда не забудет произошедшего и не устоит перед соблазном поиздеваться. Причем прилюдно!

Лучше бы я вместе с Кики попала на симуляции. Да лучше еще десять часов общественных работ, чем такое...

– Хочешь, я отнесу тебя в медпункт? – обеспокоенно предложил Джером.

Пятки тролля, да меня сейчас вновь вывернет. И на этот раз виной будет не пахучий материал профессора, а напрочь фальшивая забота смазливового засранца.

Отрицательно покачав головой, я залпом допила воду из стакана, решительно отстранилась от младшего наследника и пошла за своими вещами. Ни на кого не глядя, покинула кабинет и на негнущихся ногах побрела к себе в комнату в надежде перекинуться, свернуться в клубочек и чуток себя пожалеть.

Но даже этой крохотной милости кошачьи боги мне не дали. Едва я дошла до дверей в общежитие для девочек, как прямо перед моим носом невесть откуда появилась каменная горгулья.

– Ага! – радостно потирая передними лапками, воскликнула она. – Прохлаждаешься, кошечка?

Я глянула на каменную статуэтку. И откуда только такие морды берутся?

– Профессор отпустил нас пораньше. Ты же сама слышала, – буркнула, намереваясь перешагнуть через свех меры наглую и даже неживую тварь, чтобы поскорее оказаться за закрытыми дверями комнаты.

– Профессор Тебион, может, и отпустил, а вот общественные работы – нет! – и голос такой радостный-радостный. – Пока ректор разбирается с пополнением на ниве общественного труда, вам велели шагать в западное крыло.

Я не удержалась от громкого стога.

– Не печалься, кошечка, – попыталась подбодрить горгулья. – Всего-то час наедине с младшим наследником... – Ее взгляд затуманился. – Без присмотра куратора и Маккалича. Только принц и пардочка... Эх, да о вас можно любовные романы писать! Представь, он подходит ближе, сжимает тебя в своих руках, наклоняется низко-низко...

– Угомони воображение! – топнула я от злости. – Между нами ничего нет и не будет!

Горгулья хитро улыбнулась и подмигнула, мол, молчу-молчу, а затем каменная мерзость прикрыла рот уголком крыла и тихонько предупредила:

– Только дворфов не трогайте, а то они сегодня какие-то злые и вконец раздраженные. Я всего лишь забежала узнать, когда эти бездельники закончат красить стены, а они в меня кирпичом запустили! Представляешь?

Я как раз очень хорошо представляла. Имелось бы под рукой что-то тяжелое, тоже запустила бы в эту каменную вредную с крыльями.

– О, ректор вызывает! – Горгулья поднялась в воздух и крикнула напоследок: – А ты лучше зубы почисти, на всякий случай!

– Что-о-о?! –

– Не чтокай мне тут! – строго глянула горгулья, активно размахивая крыльями, и мечтательно выдала: – Ах, какие детки будут! Какие детки!

Заложив крутой вираж, невероятно счастливая горгулья полетела в сторону главного здания. Проводив ее потерянными взглядом, я наконец встряхнулась, взяла себя в руки и пошла честно дорабатывать последний час общественных работ. Всего лишь часок, один час потерпеть Джерома, а потом можно смело продолжать игнорировать этого смазливового придурка, как и прежде.

Да, я буду сильной. Буду держать спину прямо, гордо помалкивать на все его колкости. В конце-то концов, парда я или кто?

Я буду... а-а-а, черт!

– Как себя чувствуешь? – В глубине голубых глаз парня, поджидающего меня на крыльце, застыла тревога.

– Изумительно, – сквозь зубы выдавила я, быстро поднимаясь по ступенькам.

Сейчас прошмыгну мимо него, спрошу Артура, какое задание оставил для нас ректор, и вперед с песней за работу...

Но Джером, как всегда, изгадил все мои планы. Достаточно проворно для человека шагнув в сторону, он заслонил вход и протянул небольшой пакет.

– Держи, – впихивая пакетик мне в руки, приказал парень.

Я повела носом, проверяя, что внутри.

Мать моя кошка, да это же плоды лун-ян! Экзотика для здешних мест. Роскошь, которую может себе позволить не каждая даже очень обеспеченная семья. Собственно, первый и единственный раз, когда я пробовала эти исключительно сладкие, сочные фрукты, случился во дворце. Джером учил меня, как надо правильно их чистить, и долго смеялся, когда я, движимая жадностью урвать побольше, попыталась опробовать на вкус ворсистую ярко-красную кожуру.

Помимо великолепного вкуса, лун-ян обладали огромной лекарственной ценностью. Их употребляли при желудочных болях, спазмах, упадке сил, язвах... А еще в народе лун-ян называли «фрукты страсти».

Так... А теперь пусть кто-нибудь четко и доходчиво объяснит, за каким покусанным каннисом Джерому вдруг приспичило угостить меня безумно дорогими фруктами?

– Спасибо, конечно, но у меня нет таких денег, чтобы отдать тебе, – честно призналась я, предпринимая попытку вернуть фрукты.

Джером отшатнулся, словно я предлагала ему не пакет, а связку ядовитых гадюк, и нахмурился.

– Деньги? – переспросил он. – Ноэми, какие еще деньги? Я же не контрабандист с соседнего рынка. Ешь, это тебе.

На секунду в сознание закралась подленькая мыслишка принять фрукты и не выпендриваться, но я тут же погнала ее поганой метлой куда подальше.

– Еще раз спасибо, но халявный сыр бывает только в мышеловке. Так что забирай.

Младший наследник демонстративно скрестил руки на груди и сжал губы.

– Если не примешь фрукты, – тихо, но четко произнес он, смотря поверх моей головы, – я сочту это личным оскорблением дома Райвиль.

Вот так, одной лишь фразой, маленькую гордую пардочку поставили на место. Теперь я просто не могла отказаться от его подачи. Безумно дорогой и вкусной, но все равно подачи.

Устало вздохнув, я прижала пакет к груди и посмотрела в лицо Светлого принца.

– Джером, что тебе от меня надо?

На удивительно красивом лице появилась маска гнева.

– Ноэми, ты самая глупая кошка на свете! – неожиданно сорвался Джером. – Я просто пытаюсь позаботиться о тебе!

– И с чего это вдруг на меня свалилась такая милость?

– Да потому что я не сплю из-за тебя! – рявкнул он.

Сказанное немного остудило мой пыл, и, как ни странно, на смену эмоциям пришли здравый смысл и холодный расчет.

– Кошмары?

– Парень кивнул.

– И как давно?

– Пять дней, – нехотя сознался он, пару секунд нерешительно помолчал, но все-таки продолжил: – Я слышу твои крики, но не вижу тебя. Пытаюсь понять, где ты, что с тобой случилось. Я зову, ищу, бегу сломя голову, но никак не могу тебя найти или хотя бы увидеть. И так продолжается постоянно, стоит лишь задремать.

Я прикусила нижнюю губу и сосредоточилась. Пять дней мне снятся кошмары, столько же кошмары не дают покоя Джерому. Совпадение? Что-то сильно сомневаюсь!

А что там горгулья говорила про нервных дворфов?

– С дороги! – крикнула я, огибая удивленного принца и врываясь в пристройку. – Артур! Артур, где вы?!

Горгулья не обманула, в мою сторону покосились и впрямь злые дворфы, а самый-самый злой тихонько заворчал, как-то чересчур двусмысленно покачивая в руках железным прутом.

– А где Артур? – уже куда более сдержанно полюбопытствовала я.

– «Пойду прилягу на пять минут» называется... – раздался ворчливый голос бригадира, а следом в коридоре появился и он сам.

Рыжебородый мужчина был помят, хмур и смотрел с такой злостью, что я невольно поджала хвост и отступила назад.

– Ну?! Здесь я, чего надо?

– Многоуважаемый господин Артур, – в кои-то веки вспомнила я о приличиях, – а вас, случайным образом, в последние пять дней кошмары не мучают?

Дворф сдвинул кустистые рыжие брови, и на лбу тут же появились три глубокие морщины.

– Допустим, – сказал он с великим подозрением во взгляде, а я радостно заулыбалась и оглядела остальных рабочих, внимательно прислушивающихся к разговору.

– Итак, господа рабочие, – деловито улыбнулась в предчувствии успеха, – кому еще мешают отдыхать кошмары? Ну же, смелее! Поднимаем руки! Один, два... есть еще кто? Ох, простите, я вас из-за этой балки и не заметила... Так... три, четыре... А вы зачем аж две руки подняли? Не портите статистику! Начнем заново. Один, два...

Я настолько увлеклась, что даже не сообразила, когда в пристройку зашел покинутый мною Джером и дернул меня за рукав пиджака.

– Ноэми, что происходит?

– Мы все не спим! – просияла я такой широкой улыбкой, что без труда можно было увидеть даже выросший в прошлом году зуб мудрости.

Младший наследник моего энтузиазма явно не разделял. Иначе зачем еще ему дотрагиваться до моего лба и спрашивать:

– Ты как себя чувствуешь?

– Превосходно! – честно созналась я и обернулась к дворфам: – Вы пока постоитте, отдохните чуток, а я сгоняю за ректором. Одна лапа здесь – другая там!

И я действительно воплотила слова в реальность.

Мне потребовалось каких-то десять минут, чтобы добежать до главного здания, подняться по лестнице на площадку деканата, заглянуть к куратору Руколо и задать коронный вопрос про кошмары. Получив утвердительный кивок от ошарашенной женщины, я, едва не мурлыча от восторга, побежала дальше. Точнее, выше по лестнице, ведущей в кабинет ректора.

– Пропустите, это срочно! – закричала я, проталкиваясь через очередь студентов, ожидающих ректорского приговора в виде общественных работ. – Я на пять минут! Вопрос жизни!

Очередь недовольно роптала, но расступалась, так как никто помимо меня таким желанием попасть в кабинет начальства особо не горел.

– Господин ректор! – заваливаясь без стука в кабинет, вновь прокричала я.

Итон-Бенедикт перевел взгляд с бледного Рохо, стоящего на ковре перед ректорским столом, и наклонил голову набок.

– Обучающая, разве вы не должны полировать ручки на новых дверях?

– Должна! Но я предпочла бы поохотиться, ректор.

Мужчина недоверчиво глянул в мою сторону, чуя подвох.

– В прошлый раз в вас не было такого энтузиазма, – задумчиво обронил он и подался вперед. – Вы себя хорошо чувствуете, Вейрис? Гуля сказала, что на уроке профессора Тебиона вам стало плохо...

Мой взгляд метнулся к горгулье, стоящей на столе ректора. Крылатая гадость активно косила под обычный камень, лишенный интеллекта и вредного характера. Бессовестная зараза!

– Можно я уже пойду? – почему-то шепотом спросил Рохо у ректора.

Итон-Бенедикт лишь слабо кивнул, отправляя бледного парня восвояси, и вперил в меня тяжелый взгляд.

– Кошмары! Вам тоже они снятся, господин ректор! – все с тем же энтузиазмом воскликнула я и победно улыбнулась, ожидая его реакции.

Но ее почему-то не последовало. Вместо того чтобы восхвалять проницательность обучающейся, мужчина спокойно кивнул и переплел пальцы.

– Бывает.

Такой ответ меня не устраивал. Ну вот ни капельки!

– Да нет же, ректор, – стала настаивать я. – Вам снятся кошмары все пять дней с начала работ по восстановлению пристройки. Ведь так?

Итон-Бенедикт окинул меня долгим взглядом, а затем медленно покачал головой.

– Вынужден вас огорчить, обучающаяся Вейрис. Эту декаду я сплю на редкость спокойно, без снов.

У меня отпала челюсть.

– Ну, знаете ли! В таком случае вы какой-то аномальный, – обиженно фыркнула я, скрепя руки на груди. – Начиная с первого дня работы в западной пристройке кошмары снятся всем: и Джерому, и мне, и Артуру, и вообще всем работающим дворфам, и даже куратору Руколо, а она, на мой взгляд, вообще непрошибаемая!

– Хм... – задумчиво протянул мужчина, расцепил пальцы и забарабанил кончиками по столу. – Есть мысли, кто пакостит?

Я с гордым видом кивнула и улыбнулась.

– В таком случае – пора на охоту.

Отодвинув массивное кресло, ректор одним плавным движением встал на ноги, подхватил пиджак и пошел к выходу.

– Гуля, ты за старшую, – бросил он на ходу. – Принимай симулянтов... Только смотри не переусердствуй.

Каменная мордочка горгульи просияла от свалившейся на нее радости.

* * *

– Я услышал топот и звон любовных побрякушек, едва ты вышел из дома, так что на внезапность можешь не рассчитывать, – спокойно сказал ректор.

Темный силуэт, почти не отличимый от тени листвы, едва заметно покачнулся, а затем на тропинку вышел первый клинок королевства.

– Услышал, как же, – усмехнулся Дерен. – Такое даже оборотням не под силу. Просто скажи, что маскировка была так себе.

Собеседник с безразличной миной на лице пожал плечами.

– Будь по-твоему, – легко согласился Итон-Бенедикт. – В последние пять дней кошмары не мучили?

Телохранитель младшего наследника вытянул из-за ворота черной майки связку из амулетов и снисходительно улыбнулся.

– Мои, как ты выразился, «побрякушки» блокируют большинство известных видов внушения, поэтому кошмары мне не страшны. А к чему вопрос, Итон?

– Да прописался тут один мелкий паразит, любитель насылать кошмары, – признался ректор. – Варениус его лет семь пытался вытурить, но то ли силенок не хватило, то ли элементарно забыл.

– Забыл или забил? – дотошно поинтересовался Дерен, оглядывая трехэтажное здание пристройки.

Дворфы неплохо потрудились за эту декаду. В первую очередь они привели в порядок крышу, прочистили стоки и заново покрасили стены. Теперь некогда серое унылое здание приобрело вполне приличный вид. Первый и второй этажи тоже были готовы к переезду, но нерешенным оставался вопрос с третьим этажом, чердачными помещениями и подвалом, в который бывший ректор зачем-то перенес весь архив столетней давности.

Какое-то неприятное беспокойное чувство шевельнулось внутри Дерена, когда он вспомнил про архив в подвале. Он, словно ищейка, выискивающая опасность для Джерома, напрягся и втянул носом воздух, пытаясь уловить магию.

– Что происходит, Итон?

– Идет охота. – На сосредоточенном лице мужчины впервые за весь диалог появилось нечто отдаленно напоминающее улыбку. – Ноэми залегла в засаде, Джером страшует, остальные... Остальные занимаются ерундой.

Дерен повернулся и оказался лицом к лицу с ректором.

– Ты отправил детей ловить неизвестно кого? – со злостью выдохнул он, сжимая кулаки. – Ты хоть понимаешь, какая опасность им грозит? Хорошо, если напорются на домового. А если кошмары – дело рук кого-то пострашнее и поголоднее?

– Уймись, – совершенно спокойно отреагировал Итон-Бенедикт, – это всего лишь ларь.

Телохранитель громко фыркнул.

– Не говори глупостей. Лари – добрые духи, помогающие людям.

– Добрые, но этот конкретный ларь покровительствует мышам, поэтому люди для него – источник неприятностей.

Глаза Дерена сузились, губы искривились от гнева.

– Люди, Итон! – бросил мужчина в спокойное лицо бывшего военного. – Ноэми – парда! Ты хоть представляешь, что с ней сделает защитник мышей?

В это мгновение в здании раздался грохот, шум и истеричный визг, полный ужаса. Выругавшись сквозь зубы и не раздумывая ни секунды, телохранитель бросился к источнику. Он дал клятву защищать младшего наследника Джерома, но сейчас больше волновался не о безопасности подопечного, а о целостности черной шкурки вздорной парды, судя по всему угодившей в крупные неприятности.

Итон-Бенедикт остался на месте, с тем же безучастным выражением лица наблюдая, как раскрываются окна первого этажа и перепуганные дворфы поспешно покидают здание западной пристройки.

* * *

Азарт от доверенного ректором дела мешал сосредоточиться. Кончик хвоста изредка дергался, выдавая мои истинные чувства. Адреналин и предвкушение мешали спокойно лежать в засаде. Хотелось вскочить, пробежаться по подвалу... Можно даже попробовать просунуть лапу в мышиную норку и навести там панику!

Ох, что-то я совсем разошлась, надо бы успокоить инстинкты.

Я – черная тень. Частичка мрака, затаившаяся в ожидании. Опасный хищник, поджидающий добычу. Я парда, невидимая и смертоносная. Я...

– Болтун! Поддай мне молоток! – отвлекая от аутотренинга, крикнул дворф.

– Тебе какой? Есть с красной длинной ручкой, есть гвоздодер, есть отбойный, а вот тут еще один... маленький.

– Мне бы тот, который я из дома принес!

Наверху слышались чьи-то тяжелые шаги, словно шел не дворф, а синхронно топало стадо цирковых носорогов.

– Держи! – с фальшивой радостью в голосе отозвался рабочий, прокашлялся и как заорет: – А ты знал, что молоток один из древнейших инструментов? Он даже старше кирки!

– Да ну! – крикнул в ответ собеседник.

Я закатила глаза, покачала головой и мысленно застонала. Ведь просила же – не рушьте нам с Джеромом конспирацию! Но на логичный вопрос: «И что же нам делать?» я откровенно растерялась и предложила делать то, что они делают обычно: кричать, стучать, пыхтеть, ругать начальство. Только почему-то из всего перечня рабочие выбрали первое.

Дворфы затянули длинную и, что самое обидное, громкую дискуссию, выясняя, какого диаметра должна быть крышка у гвоздя, чтобы он идеально входил в поверхность. И все это на пределе возможностей голосовых связок...

Нет, ну как так можно? Я же оглохну!

Со стороны лестницы слышалась возня. Я строго глянула в сторону Джерома, но парень в темноте подвала не смог оценить мой недовольный взгляд. Напрасно, конечно, ректор поставил его со мной в пару, я ведь и сама могла с легкостью справиться, но кто ж будет интересоваться мнением пардочки, когда все считают себя ого-го какими умными!

Дернув хвостом, я перестала сверлить младшего наследника недовольным взглядом и вновь сконцентрировалась на норке в мышиное царство. Как оказалось, не зря!

Рыжий упитанный мышонок выглянул из норки, затем без всяких сомнений высунулся почти наполовину и посмотрел в мою сторону. Я восторженно замерла, готовясь к прыжку, но в планы грызуна стать обедом для кошки не входило. Этот отожравшийся гад гаденько запищал и (хвостом клянусь) вновь показал мне язык!

Мне! Чистокровной парде!

Челюсть сама собой уехала вниз, а наглый мышонок продолжил глумиться. Он выскочил из норки, повернулся спиной, поднял лысый хвост и энергично завилал задом.

Нет, ну вот такого моя кошачья сущность стерпеть уже не смогла.

Оттолкнувшись задними лапами, я, словно отпущенная на свободу пружина, полетела в сторону мелкого грызуна. Но тот был тоже не дурак. Не дожидаясь, пока когтистая лапа кошки закончит его брентную жизнь, мышонок сноровисто шмыгнул в безопасную глубину норки.

Рассерженно зарывав, я в ярости принялась раздирать когтями доски в надежде слегка увеличить дырку и выловить этого маленького нахала. Мышиный Батя все это время сидел в глубине и с интересом наблюдал за моими потугами, чем бесил еще больше!

Не выдержав натиска, доска с правой стороны поддалась, и я с утробным низким рыком всунула правую лапу в нору, чтобы достать добычу. Мышонок наотрез отказался быть добычей и, вместо того чтобы идти ко мне в лапы, уклонился от когтя и укусил меня за подушечку.

Взревев не столько от боли, сколько от раздражения, я зачем-то сунула морду прямо в дыру, грозно рывкнула на попискивающего от смеха мышиною Батю, угрожающе щелкнула зубами, подалась назад с намерением сломать все доски в стене, чтобы достать этого мелкого грызуна, но обнаружила, что застряла!

– Мя-а-ау! – выдала я и в панике попыталась выбраться обратно. Щель словно нарочно сузилась, поймав мою глупую голову в капкан.

– Ноэми, – раздался обеспокоенный голос Джерома, и я застонала.

Нет, ну дважды за день – это перебор!

Даже не знаю, что хуже: насмешки над тем, как я прощалась с завтраком над тазиком, или застрявшая в мышинной норе голова.

Рыжий мышонок смело приблизился, встал на задние лапы и ехидно запищал, показывая в мою сторону лапой. Из глубин норы выглянули сотни любопытных крохотных мышинных глаз, и ехидный писк стал коллективным.

Пятки тролля! Надо мной ухохатываются мыши! Дожили!

В отчаянии я уперлась передними лапами в стену и предприняла еще одну попытку высвободить дурную голову. На помощь пришел Джером, который ухватился за сломанную наполовину доску и потянул на себя.

Почувствовав, что проем стал шире, я резко дернулась и обрела свободу.

– Ты в порядке? – присел рядом с расстроенной пардой младший наследник. Затем поднял руку и нерешительно коснулся моего уха. – У тебя кровь...

Ухо и вправду немного саднило, подтверждая слова Джерома, но злость и обида застилали глаза. К тому же в проеме появилась знакомая рыжая моська. Громко издевательски пискнув, мышонок выбежал из норки, проскочил между моих лап и, петляя, рванул в сторону лестницы.

– Мя-уф! – взревела черная кошка и рванула следом.

Преодолев ступеньки, я черной молнией ворвалась в просторный холл пристройки, опрокинула зазевавшегося дворфа и кинулась за мышиним Батей. Это уже не было охотой за добычей, это было преследованием обидчика. А нет ничего смертоноснее, чем задетая за живое парда!

Прошмыгнув по коридору, мышонок сделал резкий вираж, уклоняясь от занесенной над ним когтистой лапы, и нырнул в ближайший кабинет. Преследуя грызуна, я снесла с петель новенькую дверь (ой, ректор будет в ярости) и оказалась в просторном классе для занятий. Парты еще не поставили, зато на стене висела черная доска, а на подоконниках высились ровные стопочки учебников, стояла пара чьих-то портретов, свернутые в трубочки карты и чучело головы кабана.

И вот там-то и поджидал меня рыжий бесстыжий грызун. Мало того! Он снова начал дразниться: строил рожи, гадко смеялся, указывая на меня крохотной лапкой, и показывал язык!

Ах так!

Черная взбешенная кошка бросилась к окну, но едва расстояние до цели сократилось до нескольких сантиметров, мышиный Батя повернулся, спустил с подоконника тонкий голый хвостик и с силой ударил по батарее.

Мощная струя горячей воды ударила меня в морду. Истерично завизжав, обожженная и полностью деморализованная, я рванула обратно в коридор.

Вода! Терпеть не могу воду!

Пропустив меня в дверном проходе, Джером смело шагнул в кабинет, принимая эстафету. Оказавшись в коридоре, я быстро встряхнулась, встала на задние лапы и начала превращение в боевую форму.

Парды – на особом счету в прайде. Мы смертоносны и опасны, хитры и непредсказуемы, владем магией крови и умеем вести за собой... Но главное наше качество заключается именно в боевой форме. Для тела это промежуточный вариант между человеком и леопардом с сохранением самых сильных сторон. Треугольной формы уши, смертоносные когти на руках и ногах, рефлекс и хвост оставались от кошачьей составляющей, при этом сохранялось человеческое строение тела, головы, конечностей. Лицо, если не брать в расчет клыков, тоже практически не менялось.

Пард в боевом воплощении быстрее, сильнее и выносливее, чем самый сильный из крупных котов. Кое-кто даже поговаривал, что мы самые-самые сильные среди оборотней. Хотя это невероятно льстило, парды не принимали слухи на веру.

В тот момент, когда мое тело полностью изменилось, хлопнула входная дверь, и в пристройку вбежал Маккалич. На миг он замер, разглядывая меня с каким-то особым восхищением, а затем взял себя в руки и сухо поинтересовался:

– Где?

Я махнула когтистой рукой в сторону дверного проема и, пряча насмешливую улыбку, вошла следом за телохранителем в кабинет.

Двое магов и парда в боевой форме – на одного маленького наглого мышонка... Грызуну хана. Однозначно!

– Блокируй двери, – приказал Маккалич. – Джером, это ларь, а не домовый.

Младший наследник бросил магическое плетение удавки Коровяка, рассчитанное исключительно для поимки нежити, и отступил под защиту своего телохранителя. Быстро опустившись на одно колено, принц коснулся ладонями деревянного пола, закрыл глаза и приступил к мысленной постройке заклинания. Прикрывая светловолосого юношу, Маккалич вышел вперед.

Почувяв, что расстановка сил меняется, мышонок встал на задние лапки и грозно зашипел. По рыжему меху пробежала волна искр, и существо стало увеличиваться прямо на глазах.

– Серьезно? – насмешливо произнес Дерен, незаметно – даже для моего взгляда – перетекая в боевую стойку и активизируя защитный контур.

С моего места было очень хорошо видно, как мышонок, выросший до размеров взрослой собаки, прыгнул вперед, но был отброшен щитом и мощным ударом Маккалича.

Смотря на магов, я невольно начала сравнивать их между собой. Высокий худой Джером на фоне широкоплечего телохранителя казался щедушным птенцом, неоперившимся, не познавшим жизни, не умеющим летать. Маккалич же был идеальным воином-защитником. В нем чувствовались внутренняя сила, стержень, нестигаемая воля и что-то еще, чему я пока не могла подобрать нужного слова.

– Подвинься, – раздался тихий голос за моей спиной, и я невольно вздрогнула от неожиданности.

Оглянулась и с удивлением заметила ректора, сосредоточенно наблюдающего за происходящим. Я не почувствовала его запаха, не уловила шума шагов! Как такое возможно?

В этот момент Джером резко вскинул руки, выпуская магическое плетение. Вспышка оранжевого цвета озарила кабинет, раздался возмущенный писк пойманного духа, а затем все стало как прежде.

– Неплохо, – громко похвалил ректор поднимающегося на ноги юношу, – но в следующий раз не стоит тратить так много энергии.

Соглашаясь, Джером коротко кивнул, отряхнул брюки и оглянулся в мою сторону, словно тоже искал одобрения. Я поспешно перевела взгляд на скованного заклинанием духа.

Ларь висел в метре над полом. Заклинание развеяло физическую форму рыжего мышонка, но взгляд широко посаженных темно-желтых глаз был все таким же наглым.

– Блош, что я приказал тебе сделать? – строго посмотрел на него ректор.

Дух буркнул что-то себе под нос и указал в мою сторону.

– Кошка! – с отвращением выдал он.

Я возмущенно фыркнула и тихонько зашипела.

– Привыкай, Блош, – непримиримым тоном сказал Итон-Бенедикт. – Теперь в этом месте будут жить оборотни. Возможно, даже кошки.

– Но мыши... – жалобно протянул дух.

– И мыши привыкнут, – холодно отрезал мужчина. – Ты должен смириться. Иначе... – он не договорил, но красноречивое молчание сказало все вместо него. – А теперь иди и займись делом. Узнаю, что кому-то пакостишь, – выгоню и тебя, и твоих любимцев.

Итон-Бенедикт щелкнул пальцами, и невидимый кокон, удерживающий духа, рассыпался. Ларь опустился на пол, вернулся в форму рыжего мышонка и с поникшей головой побежал к выходу.

Но ведь характер не переделаешь!

Пробегая мимо меня, мышонок украдкой обернулся, проверяя, не наблюдает ли ректор. Итон-Бенедикт был занят (что-то негромко пояснял в плетениях Джерома), поэтому мелкий и рыжий покровитель мышей в который раз показал мне язык и рванул с места преступления.

В другое время я бы ринулась следом на разборки, но сейчас стояла, словно каннисом за хвост укушенная. Ректор знал про ларя. Более того, тот был подчинен, а значит, не причинил бы мне и Джерому вреда. Выходит, добрый Итон-Бенедикт играл с нами.

Я долго сверлила спину ректора тяжелым взглядом, но потом бросила попытки обратить на себя внимание и пошла одеваться.

Пусть он делает со мной что хочет, но на сегодня моя общественная деятельность окончена.

Глава 4. Встреча

– Через полчаса сдаем, – оповестил Дерен Маккалич.

Мужчина сидел на преподавательском месте, по-хозяйски закинув ноги на стол, и увлеченно разгадывал кроссворд на последней страничке «Вестника трупоеда». Следить за обучающимися нужды не было – в аудитории и так царила мертвая тишина, нарушаемая жалобными вздохами идущих ко дну двоечников, шелестом страниц да хлопаньем крыльев каменной горгульи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.